

Бабенко Владимир

Агентесса

Королевский
гамбит

12+

Владимир Александрович Бабенко

Агентесса. Королевский гамбит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69212668

SelfPub; 2023

Аннотация

Операция ГРУ РФ по внедрению группы нелегалов в столицу одной из европейских стран подходит к своему финалу, когда из одной из нейтральных стран континента приходит информация об утечке стратегически важной информации, ставящей под удар безопасность России. Кроме того, при весьма странных обстоятельствах погибает один из посвящённых в операцию офицеров. Выявить и нейтрализовать вражескую агентурную сеть поручено группе сотрудников центрального аппарата, не привлекая к операции местные силовые структуры, в которых возможно окопался «крот».

Содержание

Письмо из Берлина	4
Катя Козлова. Первые уроки.	11
Клоп.	19
Стерва на дороге.	31
На чёрном континенте.	38
Сукин сын.	63
Операция «Крокодил».	76
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Владимир Бабенко

Агентесса.

Королевский гамбит

События, описываемые в повествовании, имели место быть, хотя места и имена героев изменены. Всякие совпадения не более как случайность за которые автор ответственности не несёт.

Посвящается моей жене Ольге.

Письмо из Берлина

В приёмную генерала Таманцева вошла молодая красивая женщина лет двадцати пяти.

Хрупкий стан – тонкая, но не «осиная» талия, изящные руки с длинными, сильными пальцами, маникюр в стиле, стемпинг соответствовал последнему писку европейской моды.

Высокая грудь, способная вызвать восхищение у мужчин и жуткую зависть у женщин.

Неширокие плечи, овальное лицо обрамлено золотистыми прядями волос, которые спускались лёгкими волнами на плечи и спину красавицы.

На миловидном лице выделялись миндалевидные глаза

насыщенного зелёного оттенка, которые обрамляли длинные пушистые ресницы.

Львица, светская хищница была не только ослепительна, она ещё знала об этом и, похоже, пользовалась этим без зазрения совести.

– Катюша, – Таманцев не спеша, вышел из-за стола, галантно предлагая кресло, стоящее возле камина. Сам грузно уселся в, находящееся рядом.

Небольшой изящной работы столик отделял «чекистов», как за глаза называли группу "нелегалов".

– Вы получили ответ? – поинтересовалась, женщина, усаживаясь в кресло, вполне по-хозяйски, и на то были весьма весомые причины.

– Да вот, – генерал передал письмо, текст которого был написан красивым почерком по-немецки.

Речь шла о возможности покупки небольшого, двухэтажного особняка, окружённого высоким забором из натурального камня в пригороде Берлина – будущей резиденции ГРУ, которую и предстояло возглавить Катрин Кин (Катерине Козловой дочери непосредственного шефа Таманцева).

Особняк был выбран Петровым с Башировым, во время последней командировки и принадлежал местному священнику, которого переводили на повышение в столицу.

Сторговались не без труда. Немецкий поп оказался скрягой, хоть и выглядел солидно. Заломил, сволочь этакая, как за Notre-Dame de Paris.

Разведчики-нелегалы понимающе переглянулись – предстоял торг. Не впервой.

«Тоже мне испугали ежа голой задницей, и похлеще задачи решали», – и это была правда. Не далее, как месяц до описываемых событий парочка втюрила одному из арабских шейхов надувную женщину за кругленькую сумму, прямо в гарем.

Примерно час они спорили и проклинали тот день и миг, когда судьба свела их со скрягой и проходимцем, которого непонятно как до сих пор земля носит.

В ответ ими было выслушано примерно то же самое, – дань традиции.

При этом обе стороны знали, что рано или поздно, они договорятся, что и случилось.

Аванс в размере тридцати процентов от оговорённой суммы передали немцу с подписями. Бумаги заверили у местного нотариуса – всё чин по чину, с германской педантичностью.

Сфоткали внутренний интерьер, постройки, даже курятник и собачью будку с его обитателем, мужского собачьего полу.

Недвижимость оформлялась на молодую леди, которая в денежных делах ничего не смыслила, чем и пользовались два Schwul-я (проходимцы) – представляющие её интересы.

В Москве остались довольны, но:

– Я не наблюдаю отхожего места ни в доме, ни рядом с

ним, – заметила Катерина, внимательно изучив снимки.

– Что? – не понял Петров, его с Башировым срочно вызвали в кабинет к генералу.

– Где расположен Klosett? – раздражённо повторила будущая хозяйка особняка. – Сортир! Теперь ясно?

Действительно, эта часть домовладения на фото не была запечатлена вообще. Его не было даже на техническом плане, который расторопные разведчики прихватили с собой.

Затевать стройку, с подводом коммуникаций с кучей согласований, разрешений, экспертиз, – прямая дорога к провалу. Светиться не стоило.

Возникла щекотливая ситуация. Деньги были уже заплачены.

Генерал смотрел на агентов, что тот удав «Каа» на бандерологов, ещё советской экранизации.

В воздухе запахло жареным.

– Я напишу письмо хозяину и попрошу его прояснить этот нюанс, – предложила Катерина, чем сняла огромную камению, уже нависшую над приятелями, да и над генералом, похоже, тоже.

Козлова, большую часть своей карьеры провела в утончённом обществе, «золотой» забугорной молодёжи и это наложило свой отпечаток. Вместо того чтобы, написать простым немецким языком:

«Преподобный отче, будьте любезны, объясните мне, где я буду какать или писать поутру и вечером?» – она, будучи

утончённой, натурой поинтересовалась в самых изысканных выражениях наличием «WC» в покупаемых её апартаментах.

Прочтя письмо светской львицы, простой немецкий поп не понял, что такое «WC». Почесав репу, он полез в интернет.

Железный ящик с америкосовской ПО выдал:

"WALLS CHAPELS", что в переводе означало Германно-Английская церковь.

А учитывая, что Катя в письме прямо-таки рассыпалась английскими оборотами, корча из себя утончённую английскую леди германского разлива, пастор окончательно уверился, что его спрашивают о наличии именно церкви и в нём ворохнулась совесть.

«Содрал такие деньги с Агницы Божьей, скряга я этакий», – ему стало стыдно на непродолжительное время.

Смахнув умилённую слезу, он написал следующий ответ, который и прочитали в Москве:

– Дитя моё, госпожа, я уважаю ваш выбор и с удовольствием спешу сообщить, что, то место о котором вы интересуетесь, безусловно, есть, но находится в 14 км. от дома, который вы намерены приобрести.

Я искренне верю, что вы будете частой гостьей этого чудного места, и даже можете брать с собой обед.

Приезжать туда можно на машине, которая, надеюсь, у вас имеется, или в крайнем случае на велосипеде. Можно, конечно, и пешком, но в этом случае вам следует запастись тер-

пением.

Прибыть в «WC», как написали вы, лучше пораньше, чтобы занять сидячие места и не мешать другим посетителям.

В этом чудном месте приятный кондиционированный воздух и потрясающий аромат.

Дети зачастую усаживаются рядом с родителями, и все поют хором.

Вам на входе будет выдан бумажный листок, которым вы сможете воспользоваться.

Если вы опоздаете, и бумага закончится, то сможете воспользоваться листком соседа. Жители у нас добрые и понимающие, вам не откажут.

Листки выбрасывать не нужно, они должны быть возвращены, чтобы потом их можно было раздать бедным людям. Помещение оборудовано специальными стёклами, позволяющими видеть посетителей и усилителями звука, чтобы слышать все звуки.

Я надеюсь, дитя моё, что я дал достаточно подробное описание интересующего вас места и выражаю вам свои наилучшие пожелания.

Только утончённое воспитание и чувство субординации не позволили юной агентессе выплеснуть на генерала всю ту бурю эмоций, которая кипела в молодой груди.

В противном случае он бы узнал много интимных подробностей о себе самом, своих подчинённых, ближайших родственниках, и обо всём скотном дворе возглавляемой им

Конторы.

Катя Козлова. Первые уроки.

Катя Козлова вовсе не мечтала о карьере агентессы-нелегалки. Но её мама работала в Конторе Глубокого Бурения и папа тоже, так что выхода у девушки практически не было. Вздохнув, выпускница престижной школы с математическим уклоном робко ступила на скользкую дорожку шпионажа.

Впрочем, шпионами принято называют исключительно провалившихся агентов, а дочери полковника, а с недавних пор и генерала, провалы были как-то не комильфо.

Её дедушка, например, всю войну просидел в ведомстве Шеленберга и потом ещё долго мотался по свету, меняя паспорта и обличья, так что с такой родословной её профессия была predetermined задолго до окончания школы.

На «девушку Бонда» она явно не тянула, хотя и «серой мышью» назвать Катю язык как-то не поворачивался.

Хрупкий стан – тонкая талия, изящные руки с длинными пальцами. Высокая грудь, неширокие плечи, выделяющиеся округлые шикарные бёдра, её попа просто сводила мужчин с ума, напрочь убивая все инстинкты кроме, естественно, полового.

Овальное лицо, обрамлённое золотистыми прядями волос, которые спускались лёгкими волнами на плечи и спину. Цвет волос идеально маскировал её не дюжий ум и женское

коварство, гармонируя, с идеальной светлой кожей, покрывающей юную Мегеру или Горгону, кому как нравится.

Вот только знали об этом, пока, исключительно её родители и инструкторы в АВР (Академия Внешней Разведки), что расположилась в тенистой дубраве подмосковной Балашихи.

На лице девушки выделялись миндалевидные глаза насыщенного зелёного оттенка. Их обрамляют длинные пушистые ресницы. Они отбрасывали тень на покрытые румянцем щёки. Когда Катя смеялась, её глаза словно искрились, а во время грусти взгляд становится томным и более глубоким. На высоком лбу выделялись светлые, изящно изогнутые брови. Тонкий, слегка вздёрнутый нос придавал лицу девушки игривое выражение. За полными, чётко очерченными губами нежно-розового цвета прятались ровные жемчужно-белые зубы. Высокие скулы и заострённый подбородок явно выдавали аристократическое происхождение красавицы.

Короче говоря, Катя была блондинка, причём натуральная.

– А как отличить натуральную от крашенной? – спросите вы.

Отвечу:

– Только в постели и только в пору моей молодости, когда эпиляция в интимных местах была ещё не так распространена, как в наше лихое время.

Я не зря, описывая, Катюшу вспомнил о Горгоне, ко-

торая, к слову, была тоже ослепительно красива. Оболочка обманчива, так что при желании она могла Джеймса Бонда скрутить в бараний рог, но зачем? – она ведь Женщина, а значит, опасна вдвойне.

Учась ещё на первом курсе Академии, её занесло в провинциальный городок, где свирепствовал некий сексуальный маньяк. КГБ с МВД не дружат априори, но как-то так уж сошлись звёзды, что юную практикантку, работающую, кстати, под прикрытием, обязали прогуляться по-вечернему Мухоморанску (я так условно назову этот провинциальный городок, чтобы не раскрывать тайну).

Прикрытие в виде амбала двухметрового роста со взглядом голодного людоеда у неё было, но отлучилось по естественным причинам в ближайшее заведение «М-Ж» и застряло там основательно и надолго. Вчера была получка, и индивидуальные особенности организма, сыграли свою роковую роль.

Умостившись попой на лавочку, в тёмном уголке Первомайской рощи, которую в наше время местные казаки переименовали в Чистяковскую, Катя томно вздохнула и поглядела на циферблат изящных золотых часиков, в потаённом месте которых хранилась порция клофелина, на всякий пожарный случай.

Стрелки показывали без четверти одиннадцать, вечера естественно.

«Да пора бы уже этому придурку появиться, – мечтатель-

но подумала девушка и представила, как она будет ломать ногу сексуальному маньяку, – а может быть его лучше кастрировать? Чтобы не повадно было".

Ножа у неё с собой не было, ножниц тоже:

«Придётся вырвать с корнем, – печально подумала практикантка, – платье запачкаю. Жаль".

Так и не решив, как именно она будет освобождать Мир от извращенца, она ещё раз взглянула на часы.

«Пора бы уже и появиться».

И как накликала. На лавочку присел Маньяк. В том, что это ОН Катя даже и не сомневалась – природное чутьё и фамильная интуиция её ещё никогда не подводили.

Прикрытие в лице амбала, всё ещё оглашало окрестности громовыми раскатами в неблизком сортире, страдая от вчерашнего похмелья в извращённой форме – короче у мужика случился понос.

На противоположный край лавочки присел мужчина. Рост – семь футов, Катя по привычке будущей нелегалки, всё переводила в футы и дюймы, голова лысая как коленка, взгляд безжалостный, как у самой Смерти.

Но прокололся он не на этом – на нём были женские трусы, причём старого фасона, который сейчас уже не носят. Уж что-что, а распознать тип и цвет трусов или отсутствие таковых в Академии учили накрепко.

«Он серийный убийца-психопат, который наряжается в одежду своей умершей матери и убивает людей, воображая,

что он – это его мать. А в гараже он наверняка хранит мумифицированный труп своей мамы, чтобы тот составлял ему компанию, – мгновенно сообразила Катюша, вспомнив Норта Бейса. – Откуда в Мухосранске знают Роберта Блоха? Нужно будет разобраться!»

Вихрь мыслей пронёсся в головке милого создания, опасного, как голодная анаконда, вот только Маньяк об этом даже и не догадывался.

– Девушка, хотите конфетку? – спросил Маньяк, придвигаясь вплотную в своей жертве.

– Хочу, конечно, – ответила агентесса, работающая под прикрытием, которое, в это самое время извергло из глубин своего измученного организма очередную порцию метана. – Но не возьму. Потому что мама мне говорила не брать конфеты у незнакомых дядей. Но если вы со мной познакомитесь – я, так и быть, возьму.

– Маньяк, – представился Маньяк, сообразив, что перед ним очередная блондинистая Дура. Даже скучно как-то ему стало.

– Девочка, – присела в реверансе Катерина, явно намекая на свою непорочность. – Очень приятно. Давайте свою конфету.

«Целка?! – удивился злодей, – не может быть?!» – немой вопрос огромными печатными буквами светился на его нешироком лбу.

Катя без труда прочитала надпись.

«Тоже мне Маньяк», – презрительно фыркнула практикантка, но промолчала, сохраняя на губах ослепительную улыбку.

– Вот, – Маньяк протянул кулёчек с леденцами.

– Фи-и-и!! – презрительно протянула Девочка – Бон Пари? Вы, дяденька Маньяк, безденежный совсем?

– Я богатый. Я очень богатый. Хочешь, мы пойдём ко мне и посмотрим мои богатства? – свистящим шёпотом произнёс Маньяк.

– Щас! Упала я. Какие у человека с Бон Пари в кармане могут быть богатства? Китайская Барби? Или у вас денег много?

– Много. Очень много денег. Пойдём, покажу. Полный чемодан, – оскорбился Маньяк.

– В рублях поштучно, наверное? – съехидничала жертва. – А чего Бон Пари купил?

Неохота было новый чемодан ради каких-то конфет открывать? Иди, рассказывай кому-то ещё про богатства свои. Богатей леденцовый. А ну-ка, покажи сколько денег в кармане?

– Я меня с собой нету.., – промямлил Маньяк. – У меня дома и в Сберкассе. Хочешь, покажу?

– А Сберкасса на Атарбекова небось? – не унималась Девочка.

– Не помню я. Щас, – Маньяк достал синенькую порядком потёртую книжку и с ужасом прочитал адрес сего заве-

дения : – Атарбекова 21.

– Так я и думала. Неудивительно. Леденцы, видимо, в фойе Сберкассы бесплатно раздавали тем лузерам, что деньги туда положили?

– Я в магазине...

– А врать некрасиво, дяденька Маньяк. Денег у вас с собой нет, а по этой вот бумажке, вам никто и ничего не продаст – и она скорчила презрительную рожу, будто увидела не богатого Манька, а глупого, несчастного мышонка, которому пьяный мужик написал прямо в норку.

– Почему вдруг? – удивился Маньяк.

– Потому, что ещё вчера Сберкассу на Атарбекова спалили, вместе со всеми деньгами, документами и архивом. Ничего не осталось. Так что сосать придется вам дяденька лапу. А может и не только, – торжествуя отдельно произнесла Девочка, – мне папа рассказывал.

– Как? У меня же там... всё там... Куда же я теперь? Как... – подкосились ноги у Маньяка.

Ему вдруг стало трудно дышать, в глазах потемнело.

– Дать конфетку? – участливо спросила Девочка...

– Не нужно! – прохрипел мужчина, хватаясь за сердце.

– Думаю, что ближайšie пару десятков лет они тебе будут без надобности, – густой мужской бас прорычал над ухом Маньяка, и наручники щёлкнули на его запястьях.

Поддержка, как всегда, оказалась в нужном месте и в нужное время.

«Ну, по крайней мере, его яйца остались при нём», – печально вздохнула Катюша и не спеша направилась в гостиницу «Москва» что находится на улице Красной в самом центре Мухосранска.

Клоп.

По приезде в Москву Катерина рассчитывала на краткосрочный отпуск. Ну вот хотелось девушке в Сочи смотаться, на камешках полежать, хвостом покрутить – дело молодое и кошке понятное.

Но вместо Сочи её отрядили в группу, которая вела наркоторговца. О нём уже шёл слух по Москве, но:

«Не царское это дело, о всякую шелупонь руки марать. Пусть менты поработают», – решили на Лубянке.

А вот барыгой, что продавал контрамарки, у Большого театра, втридорога, заинтересовались. Этот бизнес курировали комитетчики, так как «билетёр» часто имел дело с иностранцами, которые прямо-таки мечтали попасть в царство Мельпомены.

А где актриски там и секс, которого, как известно, в СССР и не было вовсе, а вот вербануть нужного информатора из числа забугорных гостей можно было запросто.

Интересы пересеклись и, скривив рожу, будто за щекой у него был ломтик лимона генерал Таманцев, отведя взгляд к окну, негромко через губу, заявил:

– Катерина, вот полковник МВД, – за столом сидел средних лет мужчина невзрачного вида в сером костюмчике, с совершенно недружелюбным взглядом. – Поступаешь в его распоряжение.

Когда практикантка выкатилась в приёмную, генерал преобразился:

– Сергей ты знаешь, чья она дочь?

– Ты хочешь сказать... – удивлённо начал мужчина.

– Да, – и показал указательным пальцем в потолок, а потом приложил к губам, выразительно поведя глазами по интерьеру служебного кабинета.

– Тогда на кой хрен она мне нужна, – беззвучно губами и мимикой, одним дыханием прошептал, прошедший с Таманцевым не одну горячую точку товарищ, такой же волчара, как и сам хозяин кабинета.

Генерал махнул рукой и также беззвучно заявил:

– Она одна десятерых стоит. Благодарить потом будешь.

– Чем и как?

– Водкой, конечно, и банькой с девками, – улыбнулся Таманцев.

Конопляный торговец оборзел до невозможности и не стеснялся барыжить травкой прямо на театральной площади.

Катерина в броском костюмчике, модном в среде «золотой» московской молодёжи с презрительным выражением на холёном лице, и чуть подрагивающими кончиками пальцев подошла к барыге.

Четверо ментов из центрального аппарата расположились на солидном расстоянии и заподозрить их в причастности к органам было нереально, скорее к таким же барыгам или

фарцовщикам.

– Почём баш? – дамочка опасливо озиралась по сторонам.

Холёное личико, серёжки и сумочка явно из-за бугра. Всё говорило о том, что денежки у мамзельки водились.

Красноватые глаза, расширенные зрачки и потрясуха рук.

«Наш клиент», – безошибочно определил торговец.

– Червонец. Коробок. В коробке грамм.

Дамочка трясущимися от волнения руками вынула из сумочки пухленький такой кошелёк:

– А не дороговато...

Барыга уже понял, что клиент у него на крючке и наживку заглотнул.

«Ишь, как глазёнки забегали и ручки затряслись. Точно наш клиент», – мысли роем закружились в его голове.

– Иди, мороженое купи детка, копейки стоит, – презрительно поморщился клоп, почему-то именно эта зверюшка всплыла в мозгу Кати Козловой. – Пломбир или эскимо, что любишь? Ломает? – участливо прошептал мужчина.

Девушка часто закивала головой и поспешила раскрыть свой «лопатник». Руки у неё тряслись. Пухленький кошель ходил ходуном и не желал раскрываться.

Наконец, дама глубоко вздохнула и вместо того, чтобы достать деньги предложила:

– Давай за четвертак три коробки. Не хочу здесь отсвечивать. Товар хоть у тебя нормальный?

Юная практикантка, командированная в помощь жлобам

из центрального аппарата МВД, искусно изображала из себя начинающего торчка, который ужасно волнуется и собирается совершить нечто незаконное, по тяжести сопоставимое с убийством президента Кеннеди.

– Не здесь, – прошипел клоп, – иди за мной дура.

– Да, да, конечно – пробормотало трясущееся мелкой потрясухой создание, неуклюже и торопливо пряча кошель обратно в боковой карман пиджачка.

Прижимая рукой пухлик с немалой сумой советских дензнаков, Катерина в глубине души плотоядно облизывалась, понимая, что бумажник из коричневой кожи с тиснениями в виде башни Кремля засвечен и жертва уже почти в её руках.

Клоп, потащился в сторону укромного места, подальше от празднующихся прохожих и прочих туристов из наших краёв и забугорных стран.

Получить по голове юная нахалка не опасалась потому, что специфические навыки ей вбил чуть ли не с пелёнок отец, а потом и мама, а уж в Академии просто закрепили и отшлифовали.

Группа прикрытия дёрнулась было к ней, но условный жест остановил их, и они ограничились только наблюдением на весьма почтительном расстоянии, остановившись у киоска с мороженым и создав там очередь из жаждущих освежиться граждан.

На горизонте нарисовался пеший наряд ППС. Два парня с сельскими харями в шинелях, подпоясанных португепями.

Из-под сдвинутых на затылок шапок выбивались наружу соломенные кудри.

«Двое из ларца, одинаковы с лица, – невольно подумала девушка, – вот сейчас прямо среди площади начнут дрова месить и тесто рубить»

– Менты! – ужас прямо-таки плескался в глазах начинающей наркоманки, готовой броситься прочь со всех ног, вместе с её лопатником.

А вот этого, торгаш допустить не мог. Её денежки он уже считал своими, а терять своё бабло он решительным образом не желал.

– Всё нормально. Не дёргайся, – клоп даже глазом не моргнул. – Давай деньги.

Двадцатипятирублёвая, извлечённая из кошелька, перекочевала в лапу торговца. Три спичечных коробка он сноровисто сунул в руку девушки, которая на автомате открыла один. Внутри оказался квадратный брикетик, похожий на застарелую ириску с зеленоватыми вкраплениями.

«Не обманул. Натуральный гашиш. Даже запах специфический чувствуется, – уж в чём другом, а в наркоте её разбираться учили. – Скорее всего, откуда-нибудь из Узбекистана или Казахстана. На Тувинский, «ириска» явно не тянула».

«Всё, пора заканчивать комедию», – молниеносный удар в пах скрутил клопа поперёк. Размахивать корочками и кричать милиция Катерина могла, но попросту не успела.

Дуремар её опередил и заверещал как недорезанный кро-

лик:

– Милиция! Грабят!

«Ну что ж, тем лучше», – подумала практикантка, вывернув руку торговца особым приёмом, которым милиция вряд ли пользуется.

Наркоторговец скрежетал зубами, шипел, но взывал к блюстителем правопорядка. ППС-ники почти что бегом приближались к ним.

То, что произошло далее, никак не входило в планы Катерины, потому что подскочившие «двое из ларца» с ходу попытались скрутить не клопа, а её.

Поняв, что всё только начинается, юная Комитетчица, выпустив кисть барыги, отточенным пируэтом ушла в сторону.

«Ну что ж будем ловить гадюку на живца. Прости змеючка, что сравниваю тебя с этой падалью», – подумала девушка.

– В чём дело гражданка? – воскликнул один из сотрудников. — Документики предъявите.

– А вы лучше, товарищи милиционеры, проверьте вот этого подозрительного субъекта, – кивок в сторону барыги, который медленно и никого не опасаясь поднимался на ноги. – У гражданина наркотики. Досмотрите его, а то, как бы у вас неприятности ни образовались.

– Слышь, девка, – сержант придвинулся к Козловой и тихо, чтобы не привлекать внимания заявил: «Шла бы ты отсюда по-хорошему. А мы без тебя разберёмся».

– Не пойдёт, – заметила юная практикантка. – Очень мне интересно на ваши доблестные действия посмотреть и куда вы этого мизерабля доставите.

– Какого ещё мизерабля, – вмешался уже младший сержант. – Мы и слов-то таких не знаем. Подозрительно выражаетесь гражданка. Да ты пьяная, наверное? А ну-ка, давай пройдем с нами в отделение. И больно физиономия мне твоя знакома. Уж не проходила ли ты по ориентировке, вчерашней, по грабежу. Вася! – он повернулся к напарнику, – Что думаешь?

– Точно она, помада на губах фиолетовая!

– Помада у меня не фиолетовая, – возразила Катерина, – А вот вам я настоятельно рекомендую обратить своё внимание на означенного товарища, которого я пыталась задержать.

– Ну точно пьяная, – заключил младший сержант издевательски ровным голосом, – ещё и на граждан бросается.

– Ага, – лыбился напарник. – Хулиганка у тебя уже есть. Руки протяни, – приказал он, снимая с пояса наручники.

Барыга, прямо-таки сиял от злорадства.

«Недолго тебе тварь радоваться, – подумала Катерина, покорно протягивая навстречу браслетам, кисти своих рук. – Прикормил ментов, совсем ручными стали. Не за идею работают – за деньги иуды. Ишь, как глазёнки бегают, добычу высматривают с которых можно денежку срубить по лёгкому».

Схема вымогательства была проста: ловят подвыпивше-

го, но сознательного гражданина, лучше интеллигента и грозят вытрезвителем и сообщением на работу, но за соответствующую плату отпускают. Мзда от пятёрочки до чирика, могли и за трёшку отпустить, но только, если работягу под градусом повяжут, но в качестве компенсации могли надавать напоследок зуботычин, чтобы душу отвести, и для профилактики.

Пока сержант, пыхтя, пытался застегнуть на юных девичьих руках железные браслеты, а девушка, создавая иллюзию помощи, ему в этом, всячески противилась. Наркоторговец подкатился сбоку и нагло, просунув лапы в карман пиджака, извлёк коробки с гашишем. Кошелёк брать не стал, – видно роли у троицы негодяев, были расписаны заранее.

«Вот сволочь», – подумала Катя, активно помогая сержанту, которому всё никак не удавалось сковать ей руки.

– Да не вертись ты дура, – буркнул на девушку сержант, пытаясь втиснуть её запястья в дужку наручников.

«Пора!» – решила Катерина, чувствуя, что группа поддержки уже рядом и ломать комедию смысла большого уже нет.

– Давайте я вам помогу, улыбнулась она и неуловимым для глаза движением, ударив в болевую точку руки, парализовала кисть ППС-ника. Завладев наручниками, она ловким взмахом, защёлкнула одно кольцо на руке сержанта.

– Э-э-э! – тот сначала опешил, но уже через мгновение без малого не пёр на девушку, в надежде засветить ей в глаз

и только толпа зевак вокруг, сдерживала его пыл. – Совсем офигела падло!

Не теряя времени, Конторская дама перешла в атаку. Крутанувшись, в полуприсяде она ловко подбила торговца под колено и продолжив поворот примерно тоже проделала и с незадачливым сержантом.

Вторая половина наручников щёлкнула, и запястье клопа оказалось в капкане.

Скованные одной цепью барыга и ППС-ник вопили и крутились, мешая друг другу. Сержант, видимо, вспомнил о ключе, пытался вынуть его из кармана шинели, а ошалевший торговец ему в этом активно мешал.

Эти двое орали и матерились, а всё прибывающая на представление толпа зевак улюлюкала и свистела.

Надо отдать должное второму ППС-нику, он, видимо, сообразил, что обычная девушка, может быть и общественная активистка, не может так ловко орудовать и знать приёмы рукопашки, о которых он даже и не слышал.

Попятившись назад, он выхватил пистолет, но выстрелить не успел, потому что красная книжечка, которой её снабдили, в МВД уже была вынута на свет божий.

– Товарищи сержанты, вы задержаны. И не советую сопротивляться.

Скованный сержант всё же добрался до ключа и активно освобождался.

– Ах ты сука, – пистолет, взметнулся кверху.

«Ну да, с таким проворством тебя можно было нашипиговать свинцом, что булочку маком», – невольно подумала Козлова, уходя с линии огня.

Собственно, не она, а её хрупкое девичье тело сделало за неё всё. Сержант был сбит с ног, а его пушка была направлена на освободившегося от наручников мента.

– Руки. Подними лапы кверху! – на лице девушки не было никаких эмоций, но её взгляд гипнотизировал, и ноги сержанта приросли к асфальту.

– Васька, валим, – раздалось за её плечом, но смотреться ППС-ник вряд ли смог бы, даже если и захотел. Анаконда тоже милое создание, вот только опасна и стремительна. Практикантка держала пространство и даже без поддержки смогла бы справиться с негодями.

Вот только зачем! Четыре неприметных типа, как оказалось, были в толпе, всё видели. Только вколоченная в сознание нелюбовь МВД к Комитетчикам их сдерживала.

Им было попросту интересно посмотреть, как выкрутится из заварушки, КГБшная фифа, которую они были обязаны страховать.

Когда стало окончательно ясно, что лавры могут перекочевать к «соседям», они вмешались. Дама не возражала.

Бить морды ментам, на глазах прохожих ей явно не хотелось.

«Пусть сами разбираются. В конце концов, она не коза, чтобы лезть в чужой огород. Её командировали помощ. Она

помогла. А с лаврами пусть Таманцев разбирается». Умение незаметно исчезнуть тоже искусство. Потом уже в участке, когда потрошили троицу, никто толком, из свидетелей, не мог вспомнить героиню. А вот тех, кто вязал негодяев, помнили прекрасно.

После досмотра у клопа помимо гашиша нашли «аптечный набор»: заводской морфин в порошке и раствор промидона в аптечках АИ-2.

Их разработали и изготовили на случай ядерного конфликта. Потом, когда разобрались, запретили, но партию в несколько сотен тысяч оранжевых футляров уже выпустили. Они были на складах Гражданской обороны под надёжной охраной.

Но как выяснилось несуну были и там. Этим предстояло заняться ОБХСС-никам.

А вот при личном досмотре милиционеров обнаружилось много занятного: рубли в количестве четырёх тысяч, цыганские паспорта, которые вымогатели изъяли у незадачливых ромал и которые в скором времени должны были вернуться к своим хозяевам за солидную мзду.

А ещё восемь сотен долларов, – видно «двое из ларца», щипали и иностранцев. А вот это была уже расстрельная статья.

И придётся ими заниматься бедолагам с Лубянки.

Впрочем, об этом юному, и, как оказалось, вовсе не безопасному созданию, поведал в сжатой форме полковник

Сергеев уже в служебном авто, когда лично подвозил её до дома.

– Спасибо Катюша, но пришло распоряжение. Так что с завтрашнего дня ты уже не наша, а честно говоря, жаль.

Машина скрылась за поворотом. Накрапывал мелкий и противный дождик. Жизнь продолжалась.

Стерва на дороге.

На столе в кабинете руководителя Торгпредства СССР в Венгрии зазвонил телефон.

Грузный седеющий мужчина лет пятидесяти от роду поднял трубку и уже через минуту протянул её молодой даме в классическом, прямого кроя костюме, серого цвета. Этакая «железная леди» с туманного Альбиона – Маргарет Течер входила в моду и стиль «power dressing», говорил об утончённости натуры и принадлежности к сливкам общества.

– Вас.

Дама, не вставая с кресла, подняла трубку стоящего рядом с ней аппарата, показав жестом, что чиновник может положить свой на место и, вообще, ему самому лучше удалиться. Есть вещи, о которых, начальству, в его лице, лучше и не знать.

Дождавшись, пока дверь за торгпредом закроется, дама приложила трубку к изящному ушку, в мочке которого, была совсем неброская такая серёжка из белой платины с чёрной жемчужиной, стоившей чуть ли не как половина апартаментов, в которых она находилась.

– Я слушаю товарищ генерал.

– Катюша в пятницу тебе нужно быть у Ювелира (так за глаза в Конторе Глубинного Бурения звали всесильного Ю.А. Андропова).

– На Лубянку или ...

– Или.

Они прекрасно понимали друг друга. Отец Кати Козловой был непосредственным начальником генерала Таманцева и это накладывало определённый отпечаток на их взаимоотношения.

– Самолёт, поезд?

– Машина. Бери посольскую Волгу и прихвати Баширова на всякий пожарный.

– Но я ведь ...

– Это не моё решение. Выезжайте завтра утром. И счастливого пути.

Гудки в трубке ясно говорили, что решение принято и ей следует его просто выполнить.

«Ну что ж может это и к лучшему». Через полгода её ждала Европа и светиться в аэропорту не стоило, впрочем, женщина, выезжающая на Волге ГАЗ-24-76 «Scaldia» из ворот советского посольства в Будапеште была даже отдалённо не похожа на будущую агентессу.

Темноволосая красotka, этакая женщина-вамп, а по-русски стерва, гнала чудо советского автопрома на предельной скорости к границе.

Двухлитровый дизельный двигатель Peugeot Indenor XD2P мощностью 62 лошади и был той изюминкой, на которую, клевал забугорный народец, а уж на родных просторах о таком чуде попросту и не знали вовсе. Российские

ГАЗ-24 ездили исключительно на бензине.

Границу прошли без проблем и ничего не предвещало проблем. Катерина любила быструю езду и Руслан спокойно, перебравшись на заднее сидение, большую часть пути дрых или читал Синди Шелдона в оригинале.

Гаишники пару раз останавливали «сладкую парочку», в надежде поживиться, но корочки капитана КГБ быстро превращали вымогателей в бдительных стражей правопорядка на дорогах.

Писец, как водится, подкрался незаметно. На заправке, куда свернула машина, не оказалось дизеля.

Ничего подобного в Европах не могло произойти в принципе, и это несколько сбило Катерину с радостной волны, напомнив о реалиях российской действительности:

«Это вам мадам не Европа – матушка Россия, извольте видеть», – напомнил о себе дух патриотизма.

«Мадмуазель», – смущённо поправила капитанша.

Баширов нарисовался за её правым плечом совершенно неожиданно.

– У нас проблемы?

– Да вот, – выразительный кивок на табличку, которая красовалась на колонке для отпуска дизельного топлива.

– Ну, а до ближайшей заправочной станции?

– Не хватит. Вот самонадеянная дура, – и дамочка прошептала в свой персональный адрес такую фразу, которую таким утончённым леди и знать-то не положено.

– Ладно не переживай. Поехали. – Напарник, в штатском, но с корочками старшего лейтенанта, направился к задней двери, намереваясь уместиться на своё место.

– Куда? – бестолково захлопав глазами, удивилась леди.

– До трассы доедем, выставим канистру, купим у леваков. Делов-то, – буднично заявил Русик, открывая книгу и уместившись на заднем сидении волжанки.

– Хорошо, будь по-твоему – согласилась дама, всецело положившись на опыт Баширова. – В конце, концов ты мужчина, а я всего лишь слабая девушка.

«Ага совсем слабая и безобидная, – съехидничал внутренний голос, – кобра и та безобидней».

«Хам! И вообще чья бы корова мычала».

Капитанша повернула ключ зажигания. Стартер запел свою песню, а там её подхватил и двигатель. Отъехав пару километров от АЗС, двигатель чихнул и остановился.

Набранной скорости вполне хватило, чтобы аккуратно припарковаться на обочине.

Пустая канистра из багажника перекочевала на обочину, сигнализируя о том, что : «Помогите люди добрые. Продайте Христа ради литров двадцать солярки, а лучше сорок».

Добрые люди не заставили себя долго ждать.

– Девушка вам слить бензинчику? – поинтересовался какой-то лысый хмырь.

– Не нужно дедушка! – съехидничала дама.

– А какого хрена ты тогда канистру выставила, – удивился

«кучерявый».

– Ехал бы ты своей дорогой дядя, – дама впилась в доброго самаритянина фирменным милицейским взглядом, не оставляя сомнений у товарища, что это не просто так.

«ОБХСС?!» – быстро сообразил лысый и поспешил обратиться от греха подальше.

Таким же образом удалось отшить ещё дюжину доброхотов.

Дух отчаяния уже начал витать над неудачливыми путниками, когда вдалеке показался МАЗ.

– Катерина, тормози!

– Спрячься, – успела прошипеть темноволосая леди, бросающаяся наперерез фуре.

Скрип тормозов. Маз, прочертив на асфальте тормозной след, остановился.

– Ты что дура под колёса лезешь. Совсем очумела, – выскочивший водила густо покрыл фифу лаком, не стесняясь в выражениях.

– Отлейте топлива до заправки доехать. Я заплачу, – часто захлопав ресницами, пролепетала девица, всеми силами корча из себя классическую интеллигенточку московского разлива.

Мужик ошалел, а потом уже поднял было руку к башке, собираясь объяснить грёбаной интеллигенции, как устроены автомобили.

Но тут вдруг с задней кровати, как чёрт из табакерки,

выскакивает заспанный сменщик и, подмигивая аж обоими глазами, вопит: «Сливай Вася, сливай. Отчего людям не помочь, конечно, красавица, отольём, о чём речь!»

Поначалу удивлённое выражение лица первого водилы постепенно проясняется хитрой улыбкой понимания, а затем и вовсе с коварным видом он, согласно кивает головой и, схватив канистру, бежит её наполнять и даже заливает в бак легковушки, в предусмотрительно поставленную воронку.

Получив деньги, барыги отъезжают на несколько метров и останавливаются в ожидании шоу. Даже на этом расстоянии видно, как они катаются по кабине от радости, ухахатываясь над тупой дурой.

Сообразив, в чём дело и решив подыграть шоферюгам, Катерина садится за руль и начинает играть педалью газа. Волга, не привыкшая к такому варварству, начинает брыкаться, отчаянно прыгая вперёд, попердывая глушителем и визжа стартером.

Работяги из МАЗа пялятся в зеркала заднего обзора и уписываются от смеха, отпуская солёные шуточки в адрес бабы-дуры.

Баширов, открыв заднюю дверь, быстро сообразил, что от него хотят, и тоже старательно изображает недоумка:

Стучит носком туфли по колесу, гладит капот и старательно изображает подкаблучника.

Минут пять длится представление.

«Ну, хватит!» – решает коварная дамочка и решительным жестом подзывает своего «козла безрогого» к бензобаку.

Открыв крышку, она что-то ему орёт.

Оба дальнбойщика сквозь смех недоумённо смотрят на её действия не совсем понимая, что эта шмара хочет от мужика.

Баширов, давясь от смеха, и старательно изображая из себя, «жертву домостроя», опускает штаны, достаёт такой немаленький инструмент полового размножения и делает вид, что мочится прямо в бензобак.

Хохот из недалеке припаркованного МАЗа, доносится до Волги. Из открывшейся дверцы вываливается сменщик водилы и ржа «в голос» скатывается в придорожную канаву.

А в это время интеллигент-подкаблучник заканчивает писать, закрывает бензобак крышкой и садится на заднее сидение легковушки.

Евоная стерва садится за руль. Стартер с пол-оборота заводит двигатель. Взрыв мотором, резко сорвавшись с места, Волга, быстро набрав скорость, исчезает из вида обдав работяг и сам МАЗ облаком дорожной пыли.

Выпученные глаза бедных водил были видны в зеркальце заднего вида лучше, чем фары ихнего трудяги МАЗа.

На чёрном континенте.

Руслан Баширов в Конторе оказался совершенно случайно, а может, так было predetermined в Небесной Канцелярии. Не мне судить.

Родился наш герой в далёком сибирском городишке Учёртанароганске (истинное название скрыто мною, по понятным соображениям), расположенного на берегах могучей сибирской реки – Шантары.

Городишко небольшой, но знаменит уже тем, что тут отбывали ссылку два Генералиссимуса Российской империи.

Сначала тут тянул срок князь Меншиков – ворюга известный. Александр Данилович строил град на Неве, между прочим, за свои деньги, предварительно хапнув их в казне Российской.

А потом и граф Миних припожаловал – персона исключительно властная, привыкшая командовать и гнуть людишек в бараний рог.

Справедливости ради следует заметить, что Миниха боялись и уважали, за то, что местную школу построил за свои деньги, церковь, почитай, заново перестроил, землицу пахал, дичь лесную стрелял, детишек учил наукам всяким. Жил не шибко богато, но здоровье сохранил и местных девок брюхатил по обоюдному согласию исправно.

Местное начальство, что должно было надзор за ним осу-

ществлять, сразу к ногтю прижал, пообещав стереть в порошок всякого, кто вякнет что-то супротив его воли, разумеется, когда станет Сибирским губернатором.

Обещание граф сдержал, правда, через два десятка лет. Но ведь сдержал!

Самуил Саныч Либерман, сыгравший немаловажную роль в судьбе Руслана, был еврей. Руководил каким-то научным институтом в Москве и знал, аж восемь иностранных языков.

Но вот подумайте люди добрые на кой ляд советскому человеку знать восемь языков, когда многие руководители, сидящие в Кремле и одного толком не знают?

Подозрительно это! Бдительные товарищи из числа соседей заинтересовались «профессором». Но, скорее всего, они попросту положили глаз на его комнатёнку в коммуналке, а может, ещё чего, но стали копать под бедного жида основательно и стучать не хуже дятлов в Органы.

Раскопки обнаружили старый велосипед, который Самуил Саныч хранил в малюсенькой кладовой и любовницу – даму хоть и молодую, но к великому разочарованию всей этой своры доброхотов – вдову, коей по статусу не возбраняется крутить втихаря хвостом.

Законом это не запрещено, но от греха подальше Либермана, из партии турнули, из института выперли и отправили в забытый богом сибирский угол заведовать леспромхозом и забыли о нём напрочь.

Это в дальнейшем спасло любвеобильного еврея от больших неприятностей, потому что во времена Ежова почти все его коллеги отправились либо на лесоповал, либо в шахты, а некоторые переселились к Богу в гости или к Сатане. Ну, это как кому повезло.

Пока ретивые следователи ОГПУ трясли коллег «профессора», Самуил Саныч исправно давал план, писал доносы начальству, лизал ему же попу и жил себе весьма скромно.

Разменяв восьмой десяток, Либерман бодрости духа не растерял. Наоборот, скуки ради, вспомнив профессорскую молодость, стал обучать Русика, – смышлёного соседского паренька языкам, кои сам уже основательно позабыл. Вначале он искренне удивлялся способностям ребёнка, а потом наслаждался, слушая провансальский говор паренька.

К шести годам Баширов весьма сносно мог изъясняться на восьми иностранных языках, знал основы высшей математики, и по большому счёту мог преспокойно пойти аж в пятый класс, но выделяться среди, таких же как он «пердышей» не стал.

Отец Руслана работал в местной жилищной конторе сантехником и считался хорошим специалистом по части унитаза, вантуза, газового ключа и прочистке всех и всяческих заторов. Пользовался заслуженным уважением у начальства, шабашил понемногу, но меру знал.

Начальство ведь привыкло срать не только в душу. Стать обладателем заветного фарфорового унитаза и гадить в теп-

ле и неге, с работающим сливом и при тёплых батареях – это, брат, дорогого стоит.

Баширов-старший сына учил на совесть и когда он закончил местную восьмилетку, а потом и десятилетку, то ни в какие институты, или там техникумы, отпускать отрока не стал:

– Нечего тебе дуру валять по столицам. Аттестат есть, а вот ума нет. Отслужишь срочную, а потом посмотрим, – так и порешили.

Руслан хлюпиком отродясь не был – так, невзрачный серый мышонок, которого в толпе и различить было невозможно. За спинами старших он не прятался, но и напоказ не лез, инициативы и показного рвения не проявлял.

А вот то, что пару раз на Мишку – Хозяина и Прокура местных лесов с ножом хаживал, знали единицы, но молчали, да и не поверил бы никто. Отец Баширова был заядлый охотник-браконьер, и сына пристрастил лося с одного выстрела валить. А потом килограмм пятьдесят свежатины на себе, да по сопкам и буреломам по пояс в снегу вёрст тридцать не раз тащить приходилось. Тут здоровье и силушка требуется.

В армию Руслан ушёл как все – по повестке и попал в провинциальный забытый богом и начальством военный городок. «Дедушки», как и положено по уставу, молодого припахали в первую же неделю. Мухи в руках Русика не сношались, но побои за нерасторопность он принял, даже не пик-

нув – традиция.

А вот когда один из ретивых дембелей решил продолжить «марлезонский балет», то получил от «молодого» в рог вполне качественно.

Это был вызов! Нарушение устоев, бунт на корабле. В эту ночь было решено для начала, прокатить наглого «духа» на «велосипеде».

Но «поездка» сорвалась, и шестеро оболтусов отправились в медсанчасть с поломанными носами и рёбрами, причём у каждого из нападавших.

А «молодой» даже и не особо запыхался. Рельефными мышцами в духе Арни Шварценеггера Руслан похвастать не мог – жилистый был, как сыромятный ремень, а вот напавших на него сослуживцев уложил в три касания и не запыхался.

Таким, как он дурное мясо на себе таскать и не нужно, а вот в драке, на охоте, да и просто в жизни они опасны как мангусты – жёсткие и стремительные.

Офицеры, с подачи замполита, написали рапорты о случившемся, но наверху дело мягко спустили «на тормозах».

Группа поддержки из «дедов» попробовала повторить наезд, но работы местной медички только прибавилось, а вот желающих попробовать Русика «на зуб» резко убавилось. А вот когда на стрельбах все пули «сибиряка» легли в десятку, оставив на её месте зияющую дыру, начальство поскребло «репу» и на погоны комроты прилетела внеочередная звёз-

дочка.

Докладная от Замполита улетела в дивизию, – так, на всякий пожарный случай. Но её опять «по-тихому» спустили на тормозах, к великой радости, всех заинтересованных сторон.

Солдат, спит, а служба себе идёт. Вот уже и второй год пошёл, дембель замаячил на горизонте.

За год начальство выяснило, что к ним попал самородок. Баширов не только отремонтировал гарнизонную котельную, от которой грелся весь небольшой городишко, но и водопровод заработал вполне себе исправно и даже канализация.

Зампотех попытался привлечь сержанта к ремонту автопарка, но вышестоящее руководство заявило, что помимо казённого транспорта есть и личный, а вот стоящих спецов днём с огнём не сыщешь, и пришлось Руслану заняться ремонтом Волг и Жигулей офицерского состава.

Но это, в сущности, такие мелочи. Главное – в квартирах военного городка появилось тепло, батареи стали горячими, туалеты заработали, как им и положено, а из кранов полилась вполне себе чистая вода.

ЧП случилось за три месяца до дембеля. Городское начальство выбило из области деньги, и в город прибыл груз из самой Японии с новым суперсовременным котлом, немецкими насосами и прочими придамбасами. А с грузом и пара специалистов. Один маленький косорылый японец и толстый рыжий немец.

По-русски забугорные спецы ни бельмеса. Лопочут что-то по-своему, по-буржуински, руками машут.

– Матерятся, сволочи, – констатировал Главный инженер местного ЖЭКа. Солидный такой дядька в годах с пивным брюшком и лысиной на всю голову.

Зам Городничего по образованию срочно командировал учительницу немецкого языка в качестве переводчика. Про японца речи пока не шло. И тут случился казус.

Представьте себе:

Начальство, в лице Градоначальника с толпой бездельников в виде всяческих там Замов и Помов, прибывшее на монтируемый объект городской инфраструктуры, стоит с довольными рожами. Рыжий Фриц машет перед своей мордой, какими-то бумажками и лопочет что-то по-своему, а училка, коей положено переводить всю эту немецкую тарабарщину глазами хлопает, и ни хрена понять не может. Назревает конфликт.

Прибывший Первый секретарь местного Горкома, просит учительницу немецкого перевести им, что «фриц» хочет.

– Я ничего не могу понять – смущённо заявляет женщина, виновато опустив глаза.

– Почему? – не понимает Начальство.

– Он говорит так, как нас не учили в институте, – пытается оправдаться преподавательница.

Первый секретарь, не выбирая выражений, процедил сквозь зубы такую фразу, что преподша враз побурела и чуть

не опустилась своим тощим задом в лужу.

Если перевести реплику партийного Босса с матерного на общечеловеческий, то это звучало примерно так:

– Чему вы наших детей учите. Сволочи?

Ситуация становилась интересной! Эмоции уже перехлёстывали через край. Ор стоял вселенский, и непонятно чем бы всё это закончилось. И тут, откуда ни возьмись, появляется Русик со схемой подвода воды к монтируемому агрегату.

Будучи занят делом и не зная причину начальственного гнева, сержант СА спокойненько так обращается к японцу с интересующим его вопросом, на японском.

Японец, приняв вопли местного начальства за проявление «русского гостеприимства», о котором был наслышан у себя на островах, начинает объяснять русскому "инженеру" в зелёной с погонами спецовке, суть проблемы. А там и рыжий «фриц» подсоединился к разговору.

И вот эта троица щебечет себе на японском и немецком и даже толстенный атлас с чертежами расстелили на столе. А потом и вовсе умотали за угол строящегося объекта.

Начальство пялится на всё это непотребство и хлопает губами, что та окунь-рыба, на берегу.

В тот же вечер личное дело товарища Баширова легло на стол командира дивизии, и тут выяснилось, что данный товарищ свободно владеет иностранными языками, причём техническими, чему в школах не учат.

Теперь уже не просто Докладная – огромная Закладная

записка улетела в Москву.

Спешно, прибывший «товарищ из Органов» после беседы с Башировым выяснил, что он не только в совершенстве владеет, немецким и японским, но и китайским, испанским, французским, не говоря уже об английском. При этом матом может крыть на всех языках, почище портовых грузчиков из означенных стран.

Самородка спешно командировали в Первопрестольную. И ему было сделано предложение, от которого, он не мог, даже если бы захотел, отказаться. Что, кстати, категоричным образом не входило в его планы, но дембель ещё не наступил.

О чём там думало начальство в высоких кабинетах в Москве непонятно, но Руслана по-быстрому дембельнули и настоятельно рекомендовали не кочевряжиться, а ехать в Питер, который в то время носил гордое имя Владимира Ильича и поступить в обычный ВУЗ на инженерный факультет.

Спорить с Органами никто не стал и заявившись на берега Невы в дембельском прикиде Баширов в Приёмной комиссии сдал требуемые документы и написал заявление на поступление сразу на трёх языках, не считая русского, в надежде, что его выпрут.

Расчёт оказался верным. Председатель приёмной комиссии, уважаемый доцент, который и родного языка, как следует, толком не знал, порвал все три заявления и дал указание:

«Гоните этого умника в ядрёной фене, и чтоб я его больше никогда не видел».

Баширов, ухмыляясь и не особенно и расстроившись, спокойно забрал документы и направился на вокзал за билетом в Учёртанароганск.

Но тут, ретивому доценту позвонил ректор. И сообщил, что его срочно командировуют на пару тройку лет в заполярный Задрищенск, преподавать Теорию Машин и Механизмов белым медведям. Баширова же культурно сняли с поезда и препроводили в студенческую общагу, сделав соответствующее внушение.

Вступительные экзамены были сданы честно, пусть и на «хорошо». Военная форма на экзаменаторов действует магическим образом – неуд не поставят ни за что, в чём могу лично засвидетельствовать.

На третьем курсе вместо стройотряда на «БАМ» его командировали в одну тихую африканскую страну сантехником-практикантом. Страна находилась у восточного побережья континента и была знаменита тем, что в ней за год, менялось по три-четыре президента. Эта Обезьяния (ну если быть точным то Батуа) по большому счёту никому не была нужна. На местные нравы Большие Дядьки за Океаном давно махнули рукой и в разборки черномазых аборигенов не лезли – себе дороже.

До дипломатических секретов «практиканта» никто не допускал, а вот чинить сантехнику, ему доверили, а заодно гонять всякую ползающую и летающую нечисть, которая водилась в прилегающих джунглях в невероятном количестве.

И жили бы себе местные негры и далее, развешивая на пальмах, время от времени на просушку проворовавшихся чиновников, а то и президентов, упиваясь обретенной свободой, но тут выяснилось, что в дебрях тропических лесов, забугорные геологи отыскиали весьма редкую и, главное, баснословно дорогую руду, а это уже в корне меняло расклады.

Родной державе срочно потребовалась такая «корова», хотя бы из-за принципа:

«А вот чтобы америкосам не досталась».

В Кремле срочно вспомнили об угнетённом народе Африки, о мировом империализме, а заодно потребовали материалы этой самой экспедиции, для принятия стратегического решения.

Понятное дело, что добровольно и даже за деньги никто ничем делиться не захотел. Из Вашингтона срочно прибыл шустрый Сер и с ним десяток Джеймсов Бондов. Геологов препроводили в самый центр столицы и потребовали отчёт об этой самой экспедиции.

Ну столицей ЭТО можно было назвать с большой натяжкой потому, что посреди джунглей располагались сотни полторы одноэтажных развалюх, не считая здания местной полиции.

Полицией заведовал бывший штатовский шериф и педант, который мелочиться не стал. Обложил местную мафию и бандитов, коих в стране водилось, что гадюк в болоте, да нью и здание комиссариата полиции отгрохали, не хуже пре-

зидентского дворца.

Вот туда на второй этаж и поместили забугорных геологов писать отчёт, от которого, как показывала мировая практика, зависело ближайшее будущее Обезьянии. Это отлично понимало аборигенное правительство. Ущемления своих вольностей негритосы категорически не приветствовали и было решено нагадить «белым сахибам».

В сортир, который располагался во дворе, совершенно случайно заползла местная чёрная мамба и тяпнула на жопу одного из геологов.

Бедняга, конечно, помер в страшных корчах, а Сер из Вашингтона срочно поднял на уши всех, до кого смог дотянуться и, приехавшие из Европы спецы, срочно смонтировали сортир на втором этаже особняка. Монтажом занимался немец и с немецкой педантичностью наставил кранов, задвижек, ревизионных узлов строго по ихним ГОСТам, что и сыграло в дальнейшем злую шутку.

Но не будем забегать вперёд и продолжим повествование.

Из Москвы пришло распоряжение, которое прямым текстом, в зашифрованном виде, конечно, предписывало оный доклад изъять или на худой конец сделать копию и доставить в Первопрестольную.

Посол почесал репу, вызвал своего заместителя по Культуре и ознакомил его с полученным Распоряжением.

Посольские забегали наподобие тараканов за печкой, но к вечеру выяснилось, что проникнуть в полицейский Департа-

мент, не угрожав местных макак, и прибывших америкосов, практически невозможно. О чём и радировали в Москву.

Через три часа пришёл ответ. Суть которого была проста, как перпендикуляр – или доклад будет в Кремле или

Зам по Культуре заперся в своём кабинете и хлестал горькую из кактусов, а кто попроще, понимая, что их скоро выпрут домой и никогда, никуда больше не выпустят за пределы любимой Отчизны, наплевав на правила, заявили в местный БАР, который был по совместительству и борделем.

Здесь местные фемины лихо отплясывали канкан, соблазняя клиентов голыми ножками.

Русик заказал местное пойло и жрал глазами, весьма подержанную метиску, исполнявшую на небольшой сцене стриптиз.

Его соседом по столику оказался француз, средних лет, с шевелюрой каштановых волос на манер хиппи, который тоже основательно нагрузился и отпускал солёные шуточки в адрес стриптизерши.

Провансальский говор соседа моментально напомнил Руслану родную Сибирь. Самуил Саныч Либерман учил его именно этому диалекту и как-то захотелось сказать что-то тёплое, родное этому французскому хиппи.

Завязался разговор. От сисек стриптизерши плавно перешли к её ножкам, и солидной филейной части организма. Несколько солёных анекдотов о бабах, расположили собеседников, и они орали похабности напару. Приговорили

остатки пойла и заказали ещё.

К исходу вечера, когда оба уже изрядно приняли «на грудь», выяснилось, что француз тоже сантехник, из местной Управляющей Компании, обслуживающей городское хозяйство и полицейское управление в том числе.

А ещё Шарль имеет большую и светлую Мечту, но совершенно не имеет денег на её осуществление.

– Понимаешь, друг, – шумно втянув в себя воздух и резко обдав Баширова ядрёным позавчерашним перегаром, признался француз, – хочу я забраться на самую верхотуру Эйфелевой башни и проорать в ночи:

«Да здравствует Франция!»

– И всё?! – удивился Баширов, смотря на соседа по столу осолопевшим взглядом, в котором плескались могучие воды сибирской Шантары.

– Нет! – заявил Шарль. – А потом я хочу поссать вниз на всех сразу. – Злорадная пьяная улыбка светилась на его физиономии.

Пьяно хрюкнув, Баширов потёр лоб, стараясь придать мыслям хоть какое-то направление и резонно заметил:

– А отморозить хрен не боишься?

Француз удивлённо посмотрел на собутыльника и уверенно заявил:

– Ты русский!

– Почему! – пьяно икнув, удивился Баширов, точно зная, что его провансальский безупречен.

Видно, сомнение посетило и француза.

– Извини друг, но только в Сибири можно отморозить хрен, там даже птицы в полёте замерзают. Мне об этом рассказывала бабушка, которая там родилась.

Интересный поворот. Хмель мигом выветрился из головы Руслана, и родился дерзкий план.

На следующий день, в половине восьмого вечера, по местному времени должна была состояться встреча Баширова и Шарля. И она состоялась в заведении мадам Розы.

В борделе Русик ещё не был, но инструктаж, полученный от заместителя посла по Культуре, не прошёл даром. Здоровьем бог сибиряка не обидел, так что местных потаскух приятели жарили на пару, по всем правилам Кама Сутры. Расплатились с местными шмарами тоже на пару, и заказали в номер выпить и закусить, что, вообще-то, было в порядке вещей.

Пропустив первые два стакана, Шарль достал сигарету и, закурив, изрёк:

– Вербуй! Я готов. Так ты всё-таки русский резидент?!

– Русский, – согласился Баширов, – и я заплачу за твою мечту. Вот, считай!

Увесистая пачка американских президентов легла на стол.

Француз ошалело смотрел на агента Кремля, не веря в то, что произошло.

– Я могу.., – неуверенно начал француз.

– Валяй, – небрежно бросил Русик и налил себе половину стакана.

Привычно зашуршала бумага – Шарль аж вспотел, считая американские денежные знаки.

Наконец, подсчёты были закончены, и француз недоумённо уставился на своего нанимателя.

– Что-то не так, – осведомился русский резидент.

– Здесь в два раза больше той суммы, о которой мы договаривались, – недоумённо заявил продажный галл.

Неожиданно его физиономия расплылась в довольной улыбке:

– Понятно! Это откат?!

– Что? – не понял Баширов.

Француз аккуратно разделил купюры на две почти равные части.

– Это твоя доля! Без претензии. Всё честно. Не волнуйся, я умею хранить чужие секреты.

До Руслана наконец дошло, что имел в виду завербованный им сантехник, поданный французской республики.

– Шарль это, – Баширов небрежно соединил пачки, – тоже твоё. Моё в банке, – соврал Руслан, закуривая сигарету. Нужно было выглядеть солидным бизнесменом.

– Хорошо! – быстро согласился француз. Что я должен сделать?

– Сегодня, даже сейчас, ты нарисуеть схему городской ка-

нализации в районе полицейского управления и достанешь ключи от распределительных узлов.

– На! – Связка ключей легла на стол. – А схема висит на стене. Что-то ещё.

– Да! Послезавтра твоего духа не должно быть в этом городе.

– А завтра? – напрягся Шарль, мысленно готовясь к чему-то ужасному.

Руслан разлил остатки местной самогонки по стаканам. Они выпили.

– А завтра ты должен накрыть поляну.

– Что? – не понял француз. – Какую Поляну и кто она?

Он вырос в сельской местности и не единожды видел, как племенной бык "покрывал" молоденьких тёлочек.

– Господи! – мысленно взмолился несчастный француз, представив, как он "покрывает" неизвестную ему Поляну.

Снисходительно усмехнувшись, Русик пояснил:

– Завтра вечером, примерно в пять часов, всё ваше начальство и весь персонал вашей Конторы должны гулять в этом заведении. – Баширов ткнул в стол указательным пальцем. – Вот на это и уйдёт «откат» и смотри, чтобы все были довольны и пьяны в зюзю – до поросычьего визгу.

Баширов небрежно кивнул на пачку американских президентов, которую Шарль так и не решился заграбастать

– Это как, – не понял галл.

– Ты в свинарнике был? – пристально глядя ему в глаза,

поинтересовался русский.

– Был.

– Как визжат и хрюкают свиньи слышал?

– Слышал!

– Вот чтобы ты, и все ваши также визжали и хрюкали. Теперь понял?!

– Понял! Не волнуйся, я всё сделаю.

– И умогаешь в свой Париж, чтобы осквернить башню.

– Да!

В распределительном узле, находились две неизвестных широкой общественности личности. Дверь скрипнула, жалуясь и явно намекая:

«А не хотите ли вы меня смазать господа хорошие?!»

– Перебьёшься! Осторожно! Это дрожи? – один из неизвестных, а это был Руслан, обратился в несуну с мешком свеженьких быстрорастворимых дрожжей, намедни стыренных из пекарни.

– Угу! – мотнул головой верзила, растянув губы в идиотской улыбке.

– Сыпь сюда.

Задвижка была надёжно перекрыта, а «ревизия», наоборот, открыта.

Не задавая лишних вопросов. Верзила сыпанул половину мешка в горловину аккуратно прикрученной воронки.

– Хватит! А остатки, сыпь сюда и вот сюда!

– Этого будет достаточно? Раздался голос третьего неизвестного, появившегося в тесном помещении распределительного узла, как тот самый чёрт из табакерки.

– В самый раз товарищ майор!

– Баширов, соблюдай конспирацию, недовольно рявкнул советник по Культуре.

Внимательно обведя взглядом, достойным прапорщика Зарубайло, присутствующих майор остался доволен.

– Капитан, – кивок в сторону стоявшего рядом с Русиком неизвестного, – приберитесь здесь и сотрите все пальчики. Ходу ребятки. Ходу.

Весь следующий день в Департаменте полиции кипела и булькала работа – писался отчёт о работе геологической экспедиции. Под неусыпным контролем Сема и его штатовских мордоворотов. Геологи, проклиная Хама, стеная о своей несчастной судьбе, марали бумагу, смешивали реактивы в небольшой химической лаборатории, матюгались по-чёрному, но к шести часам работа была закончена, перепроверена, сшита и все материала были надёжно упрятаны в огромный допотопный сейф.

Звонок в Вашингтон.

– Господа! – на физиономии Сема расцвела его фирменная улыбка, голодного крокодила – поздравляю с успешным завершением работы. Самолёт уже вылетел, и завтра к вечеру мы будем дома. Пакуйте чемоданы!

Однако воплей восторга, к его, немалому удивлению не последовало.

«Странный народишко эти столичные интеллигенты», — не успел подумать ЦРУ-шник, как резкий и крайне неприятных запах непонятным образом проник в его нос.

«Обгадились они от радости, что ли?» — первая мысль, которая родилась в мозгу вашингтонского посланника.

Судя по скривившимся и явно недружелюбным физиономиям, стоявших перед ним геологов подобная мысль посетила и их светлые головы:

«Засранец! Хам! Прибзднул малость!» — Вопль возмущения и осуждения застыл на губах, находившихся в кабинете сотрудников.

На полу у входной двери непонятным образом материализовалась небольшая лужица бурой жидкости и, увеличиваясь в размерах, неспешно поползла на середину кабинета. Вонь неспешно наполняла апартаменты. В горле запершило, глаза увлажнились, от появившейся рези.

За дверью послышался шум, вопли и беготня. Стоявшая у самой двери рыжая девица, зажимая нос рванула на себя дверь и невольно вскрикнула. Обильный поток зловония хлынул ей навстречу.

Находиться далее в этой душегубке никто из столичных интеллигентов не пожелал. Стеная и зажимая нос, они толпой рванули из кабинета.

Сем и сам не понял толком, что происходит. По коридору

нёсся поток жидкого свеженького дерьмеца, растекаясь по всем закоулкам воняя самым несносным образом.

Пробежавший мимо него черномазый обезьян, в форме офицера местной полиции, поскользнулся и грохнулся под ноги вашингтонского гостя, обдав бедолагу с пяток по самые уши.

Дальше находиться в этой клоаке было выше его сил. Последний раз, глянув на запертый сейф, столичный гость помчался к лестнице, ведущей на первый этаж.

Если на втором этаже говна было по щиколотку, то на первом уже по колено и оно прибывало.

«Откуда всё это?!» – успел подумать Сем и рванулся к выходу. Дверь под напором потных тел местных аборигенов была снесена и болталась на одной петле, жалко попискивала навряде той самой собаки, которая в прошлой жизни была смотрителем храма и которую в этой лупили не хуже Сидоровой Козы.

Дерьмо, весело и свободно изливалось по ступенькам Департамента полиции, заполняя близлежащие канавы и естественные углубления. Лёгкий дымок испарений поднимался над его бурой поверхностью. Вонь от этого не уменьшалась, а даже наоборот. Но хоть какой-то позитив.

Начальник полиции что-то орал, бегал, матерился, переходя с штатовского мата на местный и обратно.

Взвыл мотором джип, припаркованный у пальмы, и умчался в неизвестном направлении.

На площади образовалась небольшая толпа зевак из местных бездельников и другой праздношатающейся публики. Толпа галдела, ржала и злословила.

К Сему, подошёл разгорячённый шериф и с виноватым видом доложил:

– Сер прошу извинить. Я послал офицера в Управляющую Компанию и, надеюсь, что они прибудут вскорости.

– Надеюсь! – процедил сквозь зубы ЦРУ-шник и отвернулся в сторону. Общаться со штатскими, тем паче в его нынешнем виде ему решительно не хотелось. – Придурки!

Шериф, обладая дедуктивным складом ума, мигом просчитал мысли ЦРУ-шника и от греха подальше бочком удалился.

Двери управляющей компании были закрыты, но уже через четверть часа лейтенант полиции мчался к заведению мадам Розы.

Дверь открыла девица чем-то напоминающая Шрека, вернее, его Людоедку. Улыбка на её широкой и густо наштукатуренной физиономии была явно дружелюбной.

– А мы вас ждём! – проблеяла Коза, выставив напоказ свои перси, при виде которых полицейский поплыл. Из его несчастной головы вмиг вылетели все служебные инстинкты, оставив только один. В нижней части организма что-то напряглось и окаменело.

О своём задании он вспомнил только после третьего ор-

газма. Девица оседлала совершенно голого лейтенанта и скакала на его органе подобно кобылице. Волна счастья вновь накатывалась на несчастного.

– Да пошли они все на... – последнее, что подумал мужчина, выгибаясь в дугу от нахлынувшей волны похоти.

А на площади толпа прибывала. Лужа нечистот не спеша изливалась из недр департамента, не думая останавливаться. Шутки местных хохмачей становились уже откровенно неприличными.

Шериф бесился и крыл матом втихомолку своего лейтенанта, умчавшегося на единственном джипе. Сем в окружении его штатовских мордovorотов стоял в отдалении с налитыми кровью глазами. Он со всё большим трудом, сдерживал душившее его бешенство.

Прошло чуть более четверти часа. Заляпанный грязью Ford Transit, помнивший наверно самого Генри с молоденькой, прикрывающей свои прелести вантузом девицей, намалёванной, на капоте, смело въехал в самый центр зловонной лужи.

Боковая дверца с противным скрежетом и хрустом не помнящего смазки механизма отошла по ржавым роллетам в сторону автомобильного зада.

Полдюжины рослых громил в резиновых сапогах, противогазах на дебильных рожах непонятно какого цвета, рванули в Клоаку с вантузами и разводными ключами наперевес.

Водительская дверь открылась и небольшого роста мужчина, явно белый в противогазе, сапогах и с дипломатом в руках не спеша направился к Департаменту и через мгновение исчез в его чреве.

Сем с презрением, наблюдавший за всем, что происходит, почувствовал укол. Взыграли профессиональные инстинкты. Ему вспомнились слова инструктора с Фермы:

"Сегодня я хотел бы обсудить с вами ещё одну вещь – случайное совпадение. В нашей работе его не бывает, обычно такое совпадение означает опасность. Если вам несколько раз попадается один и тот же человек или автомобиль, то лучше спасайте свою задницу. Возможно, что вы влипли.

Сем явно где-то видел человека в сапогах, противогазе и с дипломатом.

«Дипломат! – взвыл внутренний голос. – Сантехники не пользуются дипломатами за полторы тысячи баксов».

– Джон! – возопил ЦРУ-шник, призывая местного шерифа.

Начальник полицейского Департамента через мгновение стоял перед резидентом из Вашингтона.

– Немедленно пошлите своих, – Сем хотел сказать «обезьян», но вовремя спохватился, – парней внутрь.

– Зачем Сер? – полицейский удивлённо пялился на столичного франта:

«Сбрэндил болезный. От вони наверное или может быть его укусила местная «цокотуха» – злорадство прямо-таки ви-

тало на его физиономии.

– Задержите их – Сем протянул руку в сторону болтавшейся на одной петле входной двери, не двусмысленно он отдавал боевой приказ, чем -то отдалённо напоминая, сбрендившего Наполеона.

Мордвороты в лакированных штиблетах, как стая лосей, рванули к входной двери, измазавшись в нечистотах по самую макушку.

Шериф, с удивлением наблюдавший за корчами бесноватого ЦРУ-шника, отдавать команду своим орлам не спешил.

Появившийся через пару минут на крыльце покрытый бурыми пятнами подручный Вашингтонского придурка, бестолково хлопая глазами, направился к своему шефу, который всё уже понял.

Отвернувшись в сторону, он выдал такую речь, что толпа местных аборигенов аж хрюкнула от восторга, не поняв и половины из его выступления.

А Сем крыл матом весь белый свет, местных черномазых и самого себя тоже.

Очередная звезда неспешно скатилась на погоны советника посла по Культуре. А через неделю и Баширов появился в краю сибирских кедров.

В конторе в его личном деле появилась первая запись. Жизнь продолжалась.

Сукин сын.

Окончив инженерный факультет ленинградского Политеха. Баширов получил распределение на Сибирский, богом забытый завод по производству отвёрток – официально, а неофициально он стал курсантом одной уважаемой и широко известной в весьма узких кругах школы, в которой готовили штучный товар под патронажем КГБ, вернее, СВР (Служба Внешней Разведки).

Вскоре после начала занятий в стенах уважаемого заведения появился весьма неприятный тип, которого, по словам курсантов, качнувших инфу с доступных им источников, выперли с оперативной работы за провал в одной европейской демократии, которую ЦРУ уже тогда оплело своими щупальцами при полном согласии и непротивлении принимающей стороны.

Как издавна повелось, провалившихся разведчиков при наличии у них влиятельных связей ставят начальниками, или отправляют на преподавательскую работу при отсутствии таковых.

Майора фамилию, которого называть не имеет смысла, без промедлений и колебаний слили в одну из спецшкол ведомства. За глаза, курсанты его именовали «Укус».

– Почему именно так, а не иначе? – спросите вы.

– Да харя у него была такая, что рожи курсантов косило в

сторону при одном взгляде на него.

Вновь назначенный инструктор по оперативной работе ко всему прочему имел скверный характер. К своим воспитанникам этот тип относился с откровенным презрением и даже не считал нужным скрывать этого, искренне полагая, что настоящего разведчика в спецшколе обучить невозможно – разведчиком-нелегалом, считал он, нужно родиться, и никак иначе.

Майор искренне считал, что разведка от Бога или от Дьявола, а все эти тесты от яйцеголовых придурков-психологов, которые проходили курсанты, напрасная трата времени.

Начальство в «Стекляшке» было проинформировано и «товарища» вызвали на ковёр к самому генералу Таманцеву. О чём они там беседовали, осталось тайной, но по прибытии в школу двадцать курсантов, в число которых попал и Баширов, загрузились в автобус и выехали за ворота школы.

Ехали всю ночь и весь следующий день. Сделав пару остановок на «пописаить» и только. Часов в шесть вечера «скотовоз» остановился в чистом поле, жарко дыша перетружённным мотором.

Майор поднял свой зад с переднего сидения, достав пачку «Примы» закурил, вдыхая дым полной грудью. Усмехнувшись и пройдя на середину салона, остановился. Не спеша достал из внутреннего кармана смятую бумажку, на которой синими чернилами был написан номер, похоже, что телефонный и пару раз взмахнул ею в воздухе.

– Внимание! Сейчас вы выйдете из салона. До школы, примерно пять сотен километров, может больше. Ваша задача прибыть в школу не позднее десяти дней имея при себе не менее трёх сотен рублей и документ, удостоверяющий вашу личность. Имеющиеся у вас сейчас при себе документы и денежные знаки вы сдадите мне при выходе. Я проверю лично. Шутить не советую.

– Разрешите вопрос? – пролепетал один из двух десятков ошарашенных курсантов.

– Не разрешаю, – рявкнул майор. – Просто уточняю для непонятливых. Вы на боевом задании, поэтому разрешено всё, кроме откровенного криминала. В аварийном случае можете позвонить по телефону. Я вам его показал.

«Это та бумажка, которую он вынул из кармана и помахал перед рожей?», – невольно подумали курсанты, но вопросы задавать не стали.

Когда все покинули салон, предварительно опустошив карманы от дензнаков и документов. Инструктор, ухмыляясь, пожелал удачи и автобус, взревев мотором, укатил прочь. Солнце клонилось к закату. И наступившая темень скрыла ошарашенный табунок ребят.

Наступило утро. Дорога была пустынна, роса обильно ложилась на придорожную траву. К утру, следующего дня, майор уже въезжал в ворота школы. Отсчёт пошёл.

Днём ранее в кабинете генерала, майор заявил прямо и

недвуслмысленно, что не видит смысла работать с этой толпой придурков и дебилов и попросил вернуть его на оперативную работу.

Таманцев, прочитал рапорт и скосоротившись через губу заявил:

– Что, действительно они бесперспективны и мы тянем пустышку? Сколько курсантов в твоей группе? Двадцать? И не одного стоящего?

Майор вспыхнул, понимая, что его сейчас будут ломать через колено и не видать ему оперативной работы как своих ушей.

Генерал молчал, понимая, что орать и грозить бесполезно. Не тот типчик сидел перед ним. Подняв трубку телефона, он коротко бросил:

– Она в приёмной? – видимо, получив положительный ответ, кивнул. – Пригласи.

В кабинет вошла красивая молодая женщина в неброском платье, удивительным образом подчёркивающим её хрупкость и незащитность.

Однако даже одного взгляда на это милое блондинистое создание майору хватило, чтобы оценить, что перед ним такой же волчара, как и он сам, в милой овечьей шубке, содранной с «бляшки» накануне и, вероятно, живьём.

Майор не спеша раскрыл папку, принесённую дамочкой, которая никуда не ушла а, усевшись за стол, напротив майора, обворожительно улыбалась.

Дочитав документ, который оказался внутри, до конца, он недоумённо поднял взгляд на генерала, на его лице плясала и повизгивала целая гамма чувств.

– Товарищ генерал, это задание невыполнимо, по крайней мере, у нас.

– Вы, вероятно, судите по себе товарищ майор, – прищурившись насмешливо заявила блондинка.

Мужчина вспыхнул, понимая, что его сейчас опускают ниже плинтуса и кто?

– Катерина, – представилась дамочка, без труда прочтя мысли сидящего перед ней майора, – старший лейтенант и выпускница школы, в которой вам доверили преподавать.

Без труда выдержав возмущённый, пышущий негодование взгляд, продолжила, обменявшись неуловимыми для посетителя взглядом с хозяином кабинета:

– Исходя из вашего рапорта, я поняла, что группа курсантов, которых вам доверили вести, бесперспективна, проще говоря это куча никому не нужного дерьма. Так?

Две пары глаз внимательно смотрели на майора.

– Да я так утверждаю, – с вызовом заявил он.

Обворожительная лейтенантша прищурилась и прощепетала:

– Пройти пять сотен километров без документов, не вызвав подозрения у ментов и «соседей» (СВР издавна соседями звали сотрудников КГБ и наоборот), при этом раздобыть подлинную ксиву и деньги без криминала, вы считаете

невозможным?

Майор снисходительно улыбнулся:

– Товарищ старший лейтенант уж поверьте моему немаленькому опыту, – он скосил глаза на генерала, – за бугром я бы может и попытался это проверить, но у нас в стране это невозможно.

– Кажется, на этом вы и погорели? – дамочка без сожаления вогнала ядовитое жало в душу бывшего нелегала. Спокойно приняла ненавистный взгляд, полыхнувший в его глазах, и безжалостно припечатала майора к стене генеральского кабинета:

– А вот я прошла и в наших палестинах.

Два взгляда скрестились, но генерал не дал разгореться пожару:

– Успокойтесь! Задание непростое, но как показывает опыт выполнимое. Согласитесь майор, найти жемчужину даже в куче дерьма, – он с улыбкой посмотрел на девушку, – почётно. Свободны!

К назначенному сроку в школу вернулась дюжина исхудавших курсантов, причём чёртова. Двоих пришлось вытягивать их ментуры, четверых арестовали ГБшники, один не вернулся, вообще.

Телефоном воспользовался только один. Читая отчёты, вернувшихся курсантов майор злорадно улыбался, потому что ни один из прибывших не выполнил в полном объёме

поставленные задачи.

Один устроился на вокзал и разгружал вагоны с толпой алкоголиков и не загремел на нары только потому, что вокзальное начальство крышевал какой-то крутой Мен из ментуры.

Другой проявил зачатки интеллекта и попытался пристроиться у храма на паперти, но его сперва побили, а потом стукнули куда надо и, прибывшие «комитетчики» забрали подозрительного типа.

На паперти, уже в другом городе, тоже проделали уже менты. Через три дня, после начала операции, позвонил Таманцев и густо покрыл майора матом, а на его возражения типа: «Я Вас предупреждал» – пообещал выгнать его к чёртовой матери без выходного пособия.

Назревал скандал. С одной стороны «Укус» был прав, но с другой в школу были вложены немалые средства, в его стенах прошли учёбу лучшие агенты, худшие тоже, здесь засветились.

Короче говоря, если бордель на грани краха, то Хозяин неизбежно стоит перед выбором: либо менять мебель, либо девочек.

Майор понял, что его загнали в ловушку:

«Вот сука! – только теперь он понял коварство блондинистой интриганки в лейтенантских эполетах. Ему стало понятно, как божий день, что «Хозяин» не станет трогать девочек, а вышвырнет за порог мебель – майора-инструктора,

не сумевшего подготовить вверенных ему курсантов, и возможно, без положенного пенсионера.

Оставался всего один шанс, хиленький такой. Перед ним на столе лежала папочка с личным делом Баширова Руслана – последнего пока ещё не вернувшегося курсанта.

Солнце катилось к закату и майору стало грустно. Он смотрел на телефон, ожидая звонка от генерала. И он позвонил.

Но вместо генерала звонил дежурный по КПП:

– Товарищ майор тут наш курсант прибыл.

– Баширов Руслан?

– Да.

– Пропускай!

Майор подошёл к окну, отдернул штору и смотрел на огромный красный диск солнца, торжественно висевший на самом краешке высоченной стены, опоясывавшей периметр школы.

«Выгрёбся всё-таки», – подумал он, глядя, как белоснежно белый автомобиль, ГАЗ-24 последней модели, не спеша въезжает во двор.

«Ну вот и начальство припожаловало», – с грустью подумал майор, взялся за штору с намерением задёрнуть, и остановился, удивлённо смотря на чудо советского автопрома.

Открылась дверца и из нутра железного комфортабельного жеребца, на свет божий явился Баширов в идеально подогнанном серого цвета костюме, белой сорочке и в дорогу-

щем галстукe. Потянувшись, зевнув и стрельнув взглядом в сторону «Белого дома», уверенной походкой, никуда не спешащего человека, отправился к инструктору на доклад.

Постучавши в дверь кабинета и получив разрешение, прибывший курсант вынул из кармана ключи от авто, красную книжечку: «Водительское удостоверение» и две запечатанных банковской упаковкой пачки четвертных купюр.

– Где ты всё это взял? – холодно спросил майор, напяливший на рожу маску безразличия и холода, хотя в глубине его души творился нешуточный переполох.

– Я совокуплялся со старухами.

– Как? – морда майора вытянулась, налившись кровью и удивительным образом напоминала рожу серийного нарушителя правопорядка.

– Драл их со всем прилежанием, как учили.

Майор знал, что получить зачёт у капитана Брагиной и её своры ненасытных "гарпий" не просто, он бы точно не сдал.

– Так... присаживайся и давай по порядку.

В ближайший город я добрался уже под вечер и направился на городское кладбище.

– Почему? – удивился майор. Уж чего-чего, а такого он точно не ожидал.

Пожав плечами, Руслан заявил:

– По ночам, а надвигалась именно ночь, погост единственное место, где нет милиции, да и есть хотелось. Вы, видно,

товарищ майор давненько не были на Родине, да и родились наверняка не здесь.

Майору стало не по себе. Его так легко, буквально с маху, просчитали.

– У нас в России на кладбище принято при посещении умерших кушать и выпивать, треть оставлять на могилке, ну если не покойнику, то тем, кто забредёт и помянет усопшего добрым словом. Принято у нас так. Вопрос с кормёжкой был решён.

«Лихо» – подумал майор, но вида не подал.

– Утром, позавтракав и выпив стопочку, я отправился на поиски «жертвы» и вскоре у могилки немаленьких таких размеров из чёрного гранита я обнаружил старушку, которая рыдала, молилась и каялась с таким неистовством, что мне стало понятно, что, вероятно, именно она и спровадила дедушку в лучший из миров.

Я возложил на могилу цветы. Мы встретились взглядами, и я сразу понял, что ей надо, далее действовал по методике, которую нам читали в первом семестре.

С кладбища мы возвращались, уже вдвоём держась за руки.

Она была добра и ненасытна, не хотела меня отпускать, но через трое суток вызвала такси, оплатила дорогу, вложила мне во внутренний карман новенького пиджака, рекомендательное письмо к подруге и три тысячи на мелкие дорожные расходы. Мы расстались.

– Понятно! – хмыкнул майор. – Оригинально. Ну, а откуда у тебя «Волга» и права, ведь у тебя не было с собой документов?

Баширов молча взял остро заточенный карандаш, лежащий на столе и бумагу, начертил что-то на ней и передал майору.

Прочитав, майор удивлённо уставился на курсанта. Наконец, овладев собой он, перейдя на шёпот, одними губами, пролепетал:

– Ты хочешь сказать, что ты спал с женой товарища..., он не посмел даже вслух произнести фамилию человека, стоящего рядом с Леонидом Ильичом, члена Политбюро, всеильного.... – Этого не может быть!

– Увы, но это так. Даже с двумя от третьей я отказался.

Сказать, что майор был в шоке, это ничего не сказать. Он просто не мог поверить.

«Трепло» – наконец решил майор и заявил.

– Так, машину тебе подарила супруга товарища ..., – он покосился на листок бумаги, которую он предусмотрительно перевернул и сунул с красную папку, лежащую у него по правую сторону.

– Да и деньги тоже. Кстати, она просила меня хотя бы изредка навещать её. Дозволите?

– Нет! – гаркнул майор, – ну а водительские права?

– Это любовница, между прочим, они с женой уважаемого "члена Политбюро", – он кивнул на красную папочку, –

добрые приятельницы.

– Ну, а кто третий?

– Сам. Он всё и организовал. Предлагал мне работать в его аппарате, но я отказался.

Картинка сложилась. Майор увы, был циник на штампы и догмы коммунистической морали «строителя коммунизма» давно ложил хрен с прибором.

– Понятно. Отчёт напишешь завтра, поутру. Ты выглядишь устало, разве ты плохо питался, не похоже.

Баширов вздохнул и чуточку отрешённо промолвил:

– Вы правы, я чертовски устал, эти старухи были ненасытны, и мне пришлось отработать «Волгу» и купюры по полной программе.

– Понятно. Деньги сдашь в кассу, Волгу поставь в гараж, используем её в оперативных целях. Мелочь можешь оставить себе. Свободен!

Баширов чётко повернулся и направился к двери. Когда он взялся за ручку, намереваясь покинуть кабинет. Майор уловил некоторое несоответствие в его рассказе и поспешил внести ясность:

– Курсант!

Баширов обернулся.

– А сколько лет супруге, он взглядом показал на красную папку.

– Сорок два, ну от силы сорок пять.

– Да какая же она старуха? Мы же с ней почти одногодки?

И тут он понял, что опять подставился по полной программе.

Баширов улыбнулся и ответил:

– Товарищ майор она мне в матери годится.

– Свободен курсант, рывкнул майор, опускаясь на стул.

Настроение было препаршивое. И тут зазвонил телефон.

Подняв трубку, он услышал мелодичный женский голос, без сомнения, принадлежащий блондинистой стерве, с которой он беседовал в кабинете генерала.

– Вас Сергей Михайлович можно поздравить!

– С чем? – наливаясь гневом ответил майор, понимая, что только что произошедший в его кабинете разговор уже известен красотке.

– Вам, подобно библейскому петуху, удалось отыскать жемчужное зерно в куче дерьма. Ещё раз поздравляю.

В трубке раздались короткие гудки.

– Сука! – ругнулся в голос майор.

Через три года Баширов был переведён в группу Катеньки Козловой, к тому времени уже капитана.

Операция «Крокодил».

После того как из Батуа турнули америкосов, из Союза пришли два Больших десантных корабля с ротой российско-го спецназа и шестью танками Т-55. Страна прочно стала на социалистические рельсы. А вскоре начались разработки весьма ценной руды, найденной забугорными геологами.

А вот в соседней Бангали царил полный бардак. Страна невелика и официально считалась протекторатом Великобритании: медь, хлопок, бананы и даже каучук. Сотни лет здесь царил перманентный бардак и никому по большому счёту не было дел до этого мелкого камушка в британской короне, но интересы великих держав всё же скрестились на «Чёрном континенте».

Местные обезьяны воспылали жаждой знаний, и часть из них поехала в СССР, часть в Англию, в общем расплозились по Глобусу, что тараканы. Образование, вещь дорогая и нет ничего удивительного, что даже у нас в Краснодарском Политехе появились негры – СССР учил их практически бесплатно.

Учёность, как известно, не проходит бесследно и нет ничего удивительного, что вскорости у резиденции генерал-губернатора появились интеллигенты с плакатами. Дальше, больше. Эти дегенераты орали, плевались и в конце-то концов достали жену уважаемого Наместника Её Величества ко-

ролевы Англии.

– Генри! – заявила высокородная английская леди, – давай бросим кость этим обезьянам, пусть они заткнутся.

Наместник, как и, большинство мужчин, был туповат, и до утончённой женской логики ему было, как до Китая раком.

Только после третьего раза он проник в замысел жены и немедленно связался с премьер-министром метрополии. Через неделю, получив соизволение Королевы, из толпы орущих, был схвачен один, здоровый такой негр и назначен Президентом.

Народу было торжественно объявлено, что в Бангали наступила демократия.

Но как известно: Демократия – это не что иное, как диктатура подонков. Государственные перевороты пошли чередой, менялись президенты и правительства и это продолжалось бы долго, пока соседняя Батуа не стала на социалистические рельсы, и СССР не положил глаз и на Бангали.

И опять, уже в который раз интересы русских и англосаксов столкнулись. Наши задействовали агентуру и после очередного переворота президентом Бангали стал некий Гобон Гандоя.

По невероятному стечению обстоятельств этот Гандоя учился в СССР, и между прочим, в Краснодарском Политехе в девяносто четвёртой группе мех-фака, где учился и автор сего повествования. Невероятно, я бы сам не поверил,

но вот так получилось.

Ну раз уж так сошлись звёзды, и я оказался коим боком причастен к этой истории, могу засвидетельствовать, что этот самый Габон Гандоя, дерьмом был редкостным и фамилию, да впрочем, и имечко оправдывал на все сто.

Ходил сволочь на лекции в огромных очках с толстенными дужками, спал в них и даже в сортир с ними бегал. Возник интерес, но объяснение оказалось самое прозаической и удовлетворило всех, или почти всех:

– Этот мудака ничего не слышит, а в очках у него слуховой аппарат, – объяснил нам староста нашей группы Шумаф, мировой парень. Он, потом, трижды возглавлял строительный отряд «Механик». Шумафа уважали все, включая ректора, потому что при желании он мог договориться с кем угодно, хоть с самим чёртом, хотя и был адыгейцем.

Так вот, однажды на лекции по истории КПСС в знаменитой на весь Краснодарский Политех восьмидесятой аудитории, на перерыве этот «Гандон» подошёл к нашей Леночке, самой красивой и невинной девушке на механическом факультете и что-то шепнул ей на ушко.

Лена вспыхнула, как роза и рысью рванула из аудитории, чуть не сбив с ног Лёшу Синдицкого и Шумафа. Из глаз красавицы хлестал целый водопад слёз. Оставить это без последствий никто не собирался.

Лёша, недолго думая, при появлении в аудиторию подошёл к этому борову и хряснул ему промежду глаз. Очки уле-

тели на пол, стёкла в разные стороны, а под глазом на черномазой роже вспух солидных размеров фингал.

Скандал, конечно, стараниями старосты группы замяли. Очки наши умельцы подчинили, обнаружив, что помимо слухового аппарата в дужках имелась и другая интересная начинка. Вот только что за секреты эта обезьяна хотела выведать в Политехе, мне до сих пор непонятно.

Воцарившись в президентском дворце, этот Гандоя тут же присягнул на верность Её Величеству Королеве и объявил себя главой Бангали, повелителем негров, крокодилов, а также всяческих ползающих и летающих гадов.

На гербе этой самой Бангали он приказал изобразить нильского Крокодила и уже через неделю арестовал и уколошил всех бывших соратников и бывшее правительство в полном составе.

Ну ладно уконтропупил ты соратников – дело житейское, и у нас такое случалось, не жалко, так на хрена скармливать безвременно выпертых с тёпленького и хлебного места соплеменников крокодилам? Согласитесь – редкостная сволочь.

Дипломатов крокодилам скармливать Гобон не стал, да кто бы ему это и позволил, но выгнал из Бангали почти всех дипломатов, прислугу, шоферов и соответственно шпионов тоже. По крайней мере, в посольстве СССР осталось только двое: посол и его помощник по культуре.

У англичан было примерно тоже. Схватки под ковром

диппредставительств утихли как-то сами собой – некому было шпионить, да и не за кем. Хотя англичане, продолжали нам гадить, по стародавней традиции.

И в это самое время помощником по культуре в Бангали назначили Сашу Петрова. Лейтенанта назначили на майорскую должность. Перспективы открывались самые радужные. Прибыв самолётом в Санто-Кроче Петров сразу же явился к послу.

Посол, невзрачный такой худющий, как глист мужчина, которому было хорошо за пятьдесят. Бывший партийный функционер, которого молодые и перспективные товарищи по партии сначала подставили, а потом и выперли из обкома, принял Петрова сухо:

– Развёртывать агентурную сеть я вам категорически не советую.

– Вы мне этим заниматься запрещаете официально, – вспыхнул Петров, – а как же указания из Москвы?

Действительно, Москва с дебильным постоянством слала депеши с требованием активизировать агентурную работу и сосредоточиться на нейтрализации англичан, правда, каким образом это проделать не уточняла.

Посол посмотрел на своего помощника, махнул рукой и ничего не сказав отпустил, напутствовав загадочной фразой:

– Как всю вашу агентуру сожрут крокодилы, приходите, тогда и поговорим.

Не поняв намёк, Саша развил бурную деятельность и уже

через неделю завербовал троих негров из вновь назначенного правительства и даже имел встречу с третьей женой самого Гандоя. Купюры с ликами американских президентов для этих целей он получил от посла. Посол загадочно улыбался, но доллары дал в полном запрашиваемом Петровым объёме.

А в субботу вечером к посольству подкатил белоснежный Bentley, и Петрова попросили прибыть к Президенту. Посол как-то странно усмехнулся и незаметно перекрестил Сашу на выходе.

Президент демократической Бангали лично встретил Петрова. Надо сказать, что этого Гандоя мы ещё в Политехе неплохо обучили русскому разговорному, включая мат, так что переводчик им не потребовался. Они вспомнили русские берёзки, Гандоя рассказал о том, что всегда питал слабость к русским женщинам и как-то незаметно ледок между ними растаял.

Сашу пригласили к столу, отведать «чем бог послал» и тут он увидел на огромном блюде жопу, причём женскую в запечённом виде.

– Это моя третья жена, – поспешил проинформировать русского дипломата Президент, – она разговаривала с вами вчера и вы, кажется, даже заплатили ей некоторую сумму.

Петров почувствовал, как у него кольнуло в боку и по спине пробежала струйка холодного пота.

– Пройдёмте мой друг, я вам покажу нечто интересное, – Президент встал и показывал Саше на дверь, выходящую в

сад.

Это был классический английский сад, все традиции и нюансы были скрупулёзно соблюдены и даже посредине наличествовал обширный водоём, к которому они и направились.

Вот только вместо золотых рыбок в водах водоёма плескалась дюжина огромных нильских крокодилов.

Вспомнив печальные глаза посла Петров на всякий пожарный занял такое положение, чтобы, в случае если его попытаются столкнуть в воду разделить свою судьбу с самим Гандоя. Президент широко улыбнулся и выдал тираду, которой мы его обучили ещё в Краснодаре.

Если её перевести с матёрного на дипломатический, то она звучала примерно так:

– Не ссы Саша, останешься жив, но если ещё раз попробуешь вербовать моих людей, пеняй, нехороший ты человек на себя. Я тебя, редиска ты этакая, предупредил.

Пока он щебетал, два десятка амбалов выволокли из ближайших кустов всех тех, кого успел завербовать Петров и пинками сбросили в водоём. Вода вспенилась, окрасилась в красное. Зрелище было жуткое и Петров даже и не заметил, куда и когда исчез Президент. Пришёл он в себя уже у посольства. Его высадили из лимузина, придав для ускорения пинок, под пятую точку.

Это событие было освещено в местной прессе в самых цветистых красках, так что ни один местный негр ни смел и

близко приблизиться к русскому посольству, а от Саши вообще шугались как чёрт от ладана.

Стало совсем грустно, и Петров явился в кабинет посла.

– Вся вашу резидентуру, я так понимаю, сожрали крокодилы? – скучным тоном констатировал чиновник. – Жаль, впрочем, я вас, кажется, предупреждал. Нет?

Петров виновато опустил глаза и согласился с тем, что имеет место именно то, о чём ему талдычил знающий человек.

– Эх молодость! Подойдите сюда молодой человек, – посол стоял напротив широкого, на всю стену окна, – вам не удалось завербовать людей, попробуйте привлечь на свою сторону местных аборигенов, и он взглядом показывал на огромного крокодила, жарившегося на солнышке на небольшой песчаной отмели, посреди мутной речки, протекающей невдалеке.

Саша удивлённо смотрел на посла ничего не понимая.

– Вы хотите сказать, что мне стоит вербануть крокодила?

– Можете начать с питона, но думаю крокодил всё же перспективней, – заметил посол и в его голосе Саша не услышал иронии.

Поняв, что его слова не воспринимают всерьёз, посол, махнув головой, пригласил Петрова пройти с ним. Они прошли в подвальное помещение и, открыв невзрачную дверцу, оказались в просторном помещении, под потолком которого гудел вентилятор и волны холодного воздуха опускались

на них.

Посередине помещения стояло с полусотни ящичков.

– Что это?

– Водка.

– А зачем?

– Молодой человек ну не пойдёте же вы на randevу с пустыми руками.

«Он сумасшедший», – подумал Петров, но ничего не сказал.

На следующий день сразу после обеда Петров, положив в рюкзак десяток бутылок «Столичной», и четыре хлебных батона направился на берег реки. Река была не особенно широкой – метров сорок, может, чуть больше. Посередине её на песчаной отмели лежал огромный нильский крокодил, а в окружавших реку зарослях кишела, орала и верещала всякая местная живность. Но намётанный взгляд разведчика всё сразу расставил на свои места.

Мелкие кайманчики, гадюки не в счёт, а вот огромный питон с большим оранжевым пятном на голове, обвивший ствол поваленного баобаба, худосочная мартышка, повисшая мордой вниз, и нильский аллигатор, валявшийся на песчаной отмели, выделялись на общем фоне.

Не раздумывая, Саша скинул одежду на бережку и, закинув на спину рюкзак с водкой, вступил в мутные воды местной реки.

Крокодил приоткрыл глаз, но остался на месте, мартышка

удивлённо уставилась на пловца, а питон философски промолчал, переваривая очередного кабанчика, которого проглотил ночью.

Выбравшись на берег Петров, первым делом, подошёл к крокодилу и, как подобает культурному дипломату, представился:

– Саша! Выпить хочешь?

Крокодил удивлённо приоткрыл второй глаз и ответил вполне светски, как-никак, а именно его портрет красовался на гербе Бангали, а это, согласитесь, ко многому обязывает:

– Гена! Буду. Водка?

– Она родимая! – уже теплее ответил советский дипломат.

Достав буханку и обильно смочив её водкой, Петров кивнул Гене. Пасть раскрылась и обжигающий шарик проскользнул внутрь Генкеного чрева.

Выдохнув и крякнув от удовольствия, крокодил с сомнением спросил:

– Саша, а ты точно русский?

– Не понял? – Петров вылупился на аллигатора.

– Дурило! Пуля уже давно просвистела. Где вторая?

Физиономия русского разведчика под дипломатическим прикрытием расплылась в довольной улыбке. Они в течение ближайших пару часов опорожнили весь запас спиртного и прикончили закусь.

Маришка, – так звали мартышку, всё же не выдержала и

присоединилась к ним, кружка отыскалась в рюкзачке и для неё, но даме, решено было много не наливать. Она не возражала.

Потекли дни, к троице иногда присоединялся и Кеша – пятнадцатиметровый питон, но только после того, как переваривал очередного кабанчика или внучатого племянника Маришки, но она была не в претензии, а Саша в их интрижки не лез. Ему было действительно хорошо. Грустно конечно, что майорские погоны просвистели, так и не опустившись на его плечи, но видно не судьба.

Зачастую, после четвёртого стакана, Петров пел, друзья в меру сил и способностей ему подпевали. А ещё он иногда жаловался собутыльникам на Джона – английского посланника:

– Гена ты не представляешь, какая, это сволочь, подлая и низкая душонка, мало того, что гадит сволочь мне, так и на вас, моих друзей наступал этому «Гандону». Ребята вы уж будьте поосторожней, душевно прошу!

Компашка переглянулась, теперь кое-что вставало на свои места.

Президенту доложили, что русскому удалось-таки завербовать подданных Бангали. А так как он провозгласил себя повелителем негров и зверей, то решил сам разобраться с троицей.

Гену трогать Гандоя не рискнул. – Крокодил был для него

и его племени, что-то вроде божества, а с богами лучше не связываться, Маришка – баба, её можно было прикончить в любой момент, а вот Кеша. Им следовало заняться в первую очередь.

Сказано – сделано. Вечером с парой телохранителей Президент, взяв винтовки с разрывными пулями, притаился на лодке в кустах недалеко от отмели. Кеше на месте не было. Ночь в Бангали не бывает тихой.

По берегам реки клубилась белёсая муть – то ли болотные испарения, то ли ночной туман. Над головой протянулась полоса чистого неба, усеянная огромными сверкающими звёздами. Помимо щелчков, воя и шелеста ночи частенько раздавался тихий детский плач – никакой мистики, всего лишь кайманы, но сходство полное. И постоянное жужжание комарья и прочей кровососущей нечисти. И вдруг неожиданно наступила звенящая тишина.

Возник и поплыл над водой странный бурлящий звук. Лодку явственно качнуло на высокой волне, снова качнуло, ещё раз, волны набегали чередой, плеща и шлёпая в низкий борт.

– Матерь Божья... – пролепетал Президент.

Сначала ему показалось, что он видит перископ подводной лодки, но уже в следующее мгновение, Гандоя прошла волна липкого, холодного ужаса, первобытного, старого.

Чёрный столб, высунувшийся из воды метра на четыре, – это от него разбегались волны – заканчивался огромной зме-

иной головой, глаза светились двумя зеленоватыми фонариками.

Он попытался прикинуть длину чудовища и не смог. Сердце зашло в непонятном, ни на что прежнее не похожем ужасе. Гандоя явственно услышал странное костяное клацание – это стучали от страха и ужаса его собственные зубы.

Огромный питон, злобным взглядом сканировал пространство реки, ища жертву. Президент явно почувствовал, как у него зашевелились волосы. Ни о какой охоте не могло быть и речи.

Чудовище легло на воду и исчезло из виду. Спустя некоторое время робко всплакнули кайманы, взвыли макаки, ночные звуки возвращались.

В ту ночь Президент понял, что он поспешил объявить себя повелителем негров, зверей и птиц, потому как истинная Владычица, вероятно, близкая родня Кеши, не пожелала его видеть и слава богу.

Габону в очередной раз настучали по организму, пусть и не физически, но «чёрную метку» он получил и оставил приятелей в покое.

Дни текли нескончаемой чередой. Ничего не происходило, но Москва с дебильным упрямством требовала результат. Петров несколько раз по этому поводу говорил с послом, но отсутствие персонала и страх негров перед иностранцами

сводил на нет любые, даже слабые усилия наладить, хоть какую-нибудь агентурную сеть.

У англичан положение было не лучше. Правда, Гобон Гандоя не далее, как вчера, без предупреждения смотался на своём личном самолёте в Великобританию и даже побывал на приёме у Королевы.

Королева поинтересовалась целью его визита:

– Ваше Величество я бы хотел приобрести серьги и кольцо для моей второй жены. У вас в Лондоне прекрасный выбор бриллиантов

Королева улыбнулась

– А где ваша милая супруга?

– Она приболела.

Врал, сволочь, как сивый мерин. Английский атташе по культуре, он же резидент шпионской сети в Бангали, Джон Грин всё-таки сумел втянуть в свои сети эту дуру. Девочке захотелось брюликов. Идиотку быстренько вычислили и её прекрасные пухленькие перси Гандоя опробовал на завтрак, перед самым полётом, филейную часть жены, оставил на ужин.

Брюлики были куплены и подарены трём профессионалкам из элитного Лондонского борделя. Обещание о возвращении в Санта-Кроче Наместника Её Величества было дано, но только при условии, что Президенту будет дана возможность тесного общения, хотя бы раз в неделю, с женой этого Сера.

Гандоя в самых изысканных дипломатических выражениях послали на хер, и задумались о смене власти в Бангали.

– Этого придурка пора сменить, – орала прямо в лицо министру иностранных дел метрополии дама благородных кровей, ей, понятное дело, не хотелось становиться шлюхой «черномазой обезьяны».

Тем не менее, Президенту позволили невредимым вернуться в Бангали и в тот же вечер, Гандоя был уже дома.

А к обеду следующего дня Джон Грин направлялся к реке, где весёлая компашка уже прикончила полдюжины бутылок «Столичной» и останавливаться на достигнутом явно не собиралась.

Перед встречей с русским резидентом англичанин ещё раз прокрутил в голове партитуру разговора и остался доволен. Предстояло проверить комбинацию по свержению Гобона, а для этих целей следовало нейтрализовать конкурента – русских, или достичь с ним какого-то удовлетворяющего обоим компромисса. Время поджимало и ставки возросли. Только это обстоятельство и вынудило Джона пойти на прямой контакт с этим русским кретином. Кстати, на завершающем этапе предполагалась его нейтрализация, естественно, руками прогрессивной местной общественности выбравшей путь свободы.

– Привет Сашия, – англичанин, появившись на берегу, опустил на песок небольшой белый ящик, с лямками, для удобства его перемещения на спине.

– И тебе не хворать! Чего припёрся? – удивлённо устался на потенциального вражину Сашка.

– Выпить хочешь? – англосакс, открыв переносной холодильник доставал из него запотевшую бутылку ирландского виски.

Петров повернулся к Гене и произнёс, оправдываясь:

– Гена я отлучусь на пару минут. Сам должен понять служба. Крокодил прикрыл глаз и философски промолчал. Маришка заверещала типа:

– Шляются тут всякие!

Понятное дело, бабе хотелось излить душу, а тут как раз появились свежие уши в виде целого дипломата, да к тому же и иностранного. Своими историями она уже основательно достала Гену, а Кеша, иногда слушая её трёп, подумывал о том, что не пора ли проглотить Маришку, и только утончённое воспитание при дворе тётушки, которая давеча ночью прошествовала по реке в свои владения, останавливали высокородного питона от опрометчивого поступка.

Выйдя на берег Саша, первым делом прошествовал к своему рюкзачку, извлекая из него полдюжины бутылок «Столичной».

Англичанин удивлённо на него вылупился и решительно замахал руками:

– Нет Сация, я столько не выпью. Садись, есть разговор. – Видя, что русский не спешит к нему, он решил начать с «кну-та», «пряник» был припасён тоже, – но лучше начать с «кну-

та».

«Этих русских медведей следует сначала напугать, а потом можно и медку дать, но немного» – гласила установка, полученная из метрополии, по потаённой связи.

– Сашия у меня к тебе есть дело и тебе, выгодно с нами сотрудничать. В будущей войне, которая не за горами, мы вас обязательно победим и научим воевать. – Англичанин добавил металл и холод в свой голос.

Петров хоть и был малость выпивши, этого английского прохвоста раскусил вмиг. Методику поведения в таких вот ситуациях в его подсознание вбили намертво, ещё в спецшколе, которую он окончил в прошлом году.

– А мы вас воевать разучим, мы войны Джон не начинаем, мы их заканчиваем. Пойдём, бухнём, там и поговорим.

И он, сунув бутылки в трусы направился к воде.

Англичанин удивлённо захлопал глазами. Разговор явно пошёл не по написанному трафарету.

– Постой Саша, – Петров отметил, что брит перестал ломать комедию:

«Чего ему от меня нужно? – мысли закрутились в его голове.

– Ну?! Чего мнёшься. Поплыли. – Александр кивком головы указал на отмель посередине реки, – бухнём с ребятами, а потом и поговорим. А то тут уши торчат из-за каждого камушка и непонятно чьи.

Брит недоумённо смотрел на русского резидента, пытаясь

сообразить, в чём тут подвох.

– Я туда, – он показал взглядом на отмель, – не поплыву, там крокодил.

– Какой крокодил? Ты чё? Это мой Кент, мы с ним уже четыре ящика водки выжрали.

Видя, что англичанин всё ещё колеблется, он состроил презрительную рожу, как учили на Ферме – Чё страшно? Бздишь? Очконафт хренов! – Он добавил что-то оскорбительное по-английски, опуская брита ниже плинтуса. И вошёл в воду.

Понимая, что контакт с русскими может быть утерян, «кнут» не сработал, к тому ж его оскорбили, назвав трусом, и теперь об этом станет известно всему дипломатическому корпусу в Бангали, да и в метрополии тоже, уж русские постараются донести и раздуть этот факт.

Петров был уже на середине между отмелью и берегом, когда англичанин завопил:

– Саша! Петров!

Александр уже ногами достал дна и, удерживая бутылки с водкой в обоих раках, шёл к Генадью.

– Ну чего тебе нужно придурок? – негромко сказал Петров, оборотясь к бережку, где прыгал британский резидент уже в одних плавках.

– А Крокодил дрессированный?

Саша усмехнулся, ловким ударам под доньшко откупорим «Столичную», при этом не пролив ни капли в песок,

обильно смочил кусок батона и скомандовал:

– Гена ОП!

Пасть открылась. Батон полетел внутрь и пасть тут же захлопнулась. Скупая мужская слеза увлажнила щеку Гены.

– Ну что видел? Плыви дурило, только прихвати виски.

– Сколько? – англичанин был уже сломлен, но продолжал торговаться.

– Вот подлый же народ эти англичане. Слышь Гена?

Он попытался облокотиться на Генкину тушу, но опоры не было и, Петров повалился на спину.

В это самое время английский резидент уже вошёл в воду, нырнул, вынырнул и, отплёвываясь, не спеша, плыл к отмели.

Генка исчез, как корова языком слизала, но примерно на половине отрезка до отмели вода вокруг англичанина вспенилась в огромном водовороте, огромная Генина пасть раскрылась, его челюсти сомкнулись посередине плывущего британца и раздался вопль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.